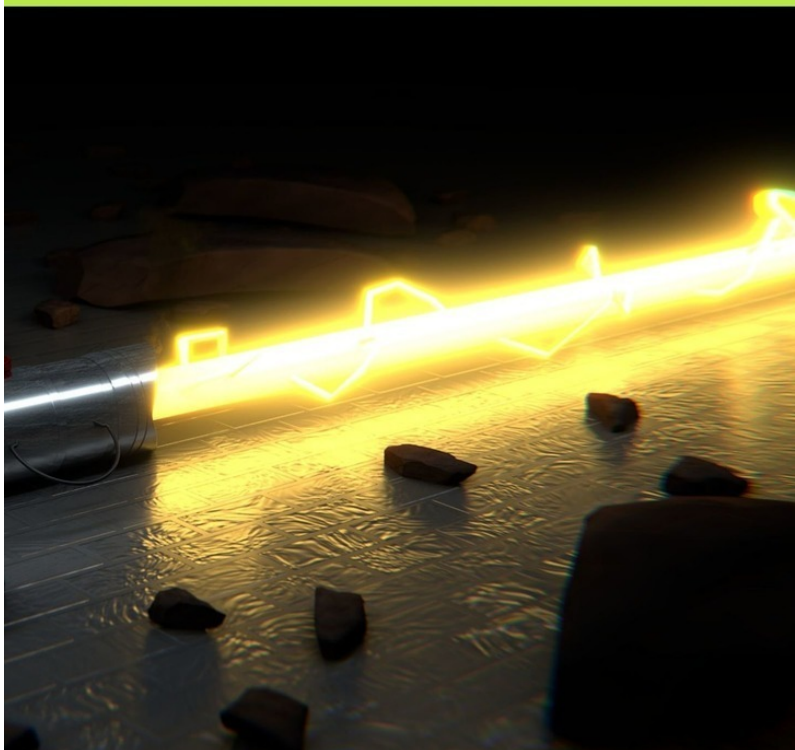

Сергей Волчарин
Меч Тионара

Сергей Волчарин

Меч Тионара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522645

ISBN 9785449625595

Аннотация

Третья часть цикла «Пророчество Сингамара». Несколько десятилетий прошло с действиями второй книги. Герой книги – нестареющий Пронт отыскивает на Альконаре новые земли, где обитают казавшиеся давно вымершими Альки. Они обладают невероятной технологией – мечами Тионара. Жажда завладеть таким оружием в целях защиты мира заставляет Пронта путешествовать по всему свету, чтобы только заполучить эту технологию.

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Новые земли	7
Глава 1	7
Глава 2	38
Глава 3	67
Часть 2: Червоточины	98
Глава 4	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Меч Тионара

Сергей Волчарин

© Сергей Волчарин, 2019

ISBN 978-5-4496-2559-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Почти сорок лет¹ прошло с тех пор, как Альконар потерял свою жизненную силу. Те крохи, что Кедопег подарил миру, едва могли прокормить его жителей, не дав тем сгинуть в небытие. Не говоря уже о магии, которой сегодня невозможно было пресытиться извне.

Магия сохранилась, но было ее столь мало, что только те, кто имел врожденную предрасположенность к ней, могли хоть как-то ей пользоваться. Земли были истощены, а климат стал гораздо более суровым. Приближался период мерзлоты. Период, когда зимы становились суровыми, а лета пасмурными.

Северные страны оказались на грани голодной смерти. Каждый город отныне был вынужден выживать, как мог, и все это при огромном росте населения.

Именно сейчас Альконар решил вновь попасть в беду. Нет, он не звал о помощи, он не вопил от новой боли. Но он волновался, в сердце мира закрался страх. И тот, кто мог услышать его, понимал, что одинокое существование мира кто-то пытается нарушить.

И все это тогда, когда мир едва-едва начал восстанавливаться от ущерба, что нанесли ему три титана, подвергшиеся

---

¹ 40 лет Альконара равны 78 с половиной земным. Год равен 400 суткам, по 43 часа в каждом.

воздействию Заразы.

И никто не знал того места на планете, откуда исходила опасность. Она была не на известных материках, не на Евпентаре, не на Кониуне, не на Ортонгалзе и даже не на Маледике. Она исходила откуда-то из-за океана Ватеона.

Туда когда-то Пронт забросил свой посох. Но не могла же обугленная палка нарушить покой целого мира?

Часть 1: Новые земли

Глава 1

– Как давно идет допрос? – поинтересовался у одного из двоих гноллов, что охраняли вход в темницу, невысокий бьерн.

– Второй день с перерывами на обед и сон, ваша светлость! – браво отрапортовали гноллы. – Пока никаких результатов.

– Ничего, сынки, сейчас будет результат, – Беордваль, злобно ухмыльнулся, вызывая у подчиненных непроизвольный приступ гиеньего хохота.

Маркиз Днапотиза, бьерн Беордваль давно был поставлен в чин главнокомандующего всего войска Днапотиза. Что главнокомандующий хочет от обычного шпиона? А то, что это был рептилид. Шпион болотиков, пришедший с земель Бнотзэха.

Эти нечестивцы, мало того, что вышли из совета Церкви, так еще и чинят неприятности гноллам. Разделяет их земли одно лишь море Риз. А уж флот у гноллов был самым многочисленным. На море им не было равных.

Вот только болотники, эти ящероголовые бесчестные хамы только и делают, что засылают шпионов и диверсантов

в северный Днапотиз. Надеюсь расшатать правление Его Величества Хеределя и выбить гноллов с этих земель.

И это понятно, тропики изобилуют живностью и съедобными плодами. Тонны фруктов и овощей вывозится в Тириз на продажу. В обмен привозится зерно и северные овощи. Мясо. Гноллы не едят фрукты, как не едят и овощи. Их кухня вообще скудна на разнообразие. Мясо, рыба, дичь. Жаренные, вареные, печеные, вяленые.

Потому-то болотников и мучает зависть, что гноллы так похабно распоряжаются таким объемом ресурсов. Но гноллы не торопятся отдавать свои насиженные земли. И если сейчас окажется, что этого шпиона вновь заслали из южного Бнотзэха, тогда Беордвалю придется просить Его Величество развязывать войну и отправляться на север. Пройти победным кличем по землям болотников и прекратить, наконец, эти напасти ящероголовых.

Черношкурый ящер сидел в кресле для допроса. Это такое кресло, с кожаными ремнями для крепления тела за пояс, руки, ноги и шею. Вся поверхность кресла была утыкана короткими шипами, что впивались на ноготь в тело пытаемого и не давали тому покоя. Чаще всего, стул не мыли, потому, просидев в таком больше нескольких часов, жертва начинала испытывать воспаленную боль от ран, что начинали гнить.

Этот же сидел так, словно ему было совершенно наплевать на боль. Понятное дело, не простой шпион. Под креслом образовалась уже небольшая лужица белесой жидкости. Яще-

ричная кровь.

Беордваль не стал представляться и первым делом ударил своей медвежьей лапищей по чешуйчатому лицу. Голова ящерицы дернулась, на его лице остались четыре глубокие борозды, откуда тут же потекла кровь. Тело ящера дернулось, и он взвыл от режущей боли. Кожа на его спине сейчас, скорее всего, напоминало фарш. Ведь так его истязали уже вторые сутки.

– Не расскажешь, зачем ты здесь? – вежливо поинтересовался Беордваль.

– Я торговец, – запричитал старую песню ящер, – я прибыл, чтобы наладить торговлю с вашими землями! Я с дипломатической миссией!

– И почему я тебе не верю? – пожал плечами бьерн. – Давай так, я вырву тебе твои змеиные когти, а ты пока покричишь мне, что очень хочешь рассказать мне правду. Идет?

– Но я же... АААА!

Клещи Беордвала дернули один из когтей рептилида. Тело его забилось в агонии, нанося еще больше повреждений итак изуродованной спине и бедрам. Длинный хвост ящера яростно молотил по стене и ножкам кресла. Что поделать, в Днапотизе таких хвостов не было ни у кого. Потому, зажимов для него предусмотрено не было.

Беордваль, мокрый от пота, вышел из пыточной камеры.

– Ну что там? Ваша светлость? – спросил один из гноллов.

Оба стражника, слышав происходящее в камере, любопытно повытягивали головы и помахивали хвостами.

– На четвертом пальце раскололся, – ухмыльнулся бьерн. – Только начал со второй рукой. Обидно, что ящеры трехпалые, столько пыточного потенциала гноллу под хвост.

Стражники жестоко расхохотались.

– А что сказал-то?

– Верноподданный Сисдиаса. Этой позолоченной ящерицы. Явился, чтобы подкупить наши лесопилки и верфи. Хотел ослабить нас в море. Ничего, скоро это дойдет до Его Величества, короля Хеределя. Тогда этим двуногим ящерицам настанет гнусная пора.

– Право дано нам от бога! – рявкнули гноллы в голос девиз Днапотиза.

– От бога, сынки. От бога, – вторил им Беордваль, разворачиваясь к выходу.

День выдался как раз таким, чтобы провести его на улице, а не сновать по подземельям и по дворцу наместника. Но, Беордвала приняли сразу, едва он вошел в зал правителя. Хередель тут же выпроводил «лишние уши» за дверь.

Беседа с Его Величеством была короткой. Главнокомандующий не любил и не умел говорить длинные витиеватые речи. И король это признавал, и даже ценил. Уделом воина является практичность и благородство. А уж в набожности и благородстве Беордвала никто не сомневался.

Разумеется, такое наглое явление шпиона в столице северного Днапотиза и его не оставило равнодушным. Обычно спокойный и даже чувствительный, Хередель рвал и метал. Он без лишних раздумий дал Беордвалю добро на введение военного режима и подготовку к выходу на войну. Он был готов подписать любые бумаги: на военные сборы, на подготовку флота, на выдачу средств из казны на содержание армии.

Единственная загвоздка была в том, что трогать рыцарей он не позволил. А без рыцарей на таком побоище делать было нечего. Ну да ничего. Они зайдут неожиданно с моря. Болотники не успеют опомниться и подготовить свои войска, как Беордваль захватит все побережье от самых гор до Фирокинао, столицы болотников. Тогда-то они и потеряют выход в море Рис, а значит, большую часть влияния и прибыли.

Бумаги были готовы едва ли не в этот же день и в города Днапотиза были разосланы гонцы, провозглашающие военные сборы. Теперь все упиралось только во время. А его у гноллов, редко доживавших и до восемнадцати лет, было крайне мало.

Уже несколько десятин они блуждают в этих горах. И чего только вздумалось Его Светлости Барлину отправить их группу в эти безжизненные горы? Откуда тут возьмется какая-то жизнь? Кругом только заснеженные вершины. И это в середине-то лета?

Князь Старгона, Барлин, однажды призвал Конрада на прием. Этот толстый прайдоха решил наладить отношения с северными народами, дабы укрепить свою позицию в раздробленной Хотии. Он надумал заручиться их поддержкой, чтобы покорить отсальные земли за счет возросшего влияния.

Только страдать приходится именно ему, Конраду. Именно он сейчас со своей группой блуждает по пояс в снегу, стараясь найти пути и перевалы и уйти подальше на север. Где-то в этих горах живут таинственные жители империи Мапой. Двунogie создания, покрытые шерстью и рогами, как у коров. Минотавры.

Насколько знал Конрад, они, так же как и вся Хотия, находились под гнетом кентавров. Так же платили дань, так же зависели от вмешательства тех в их политические действия. Позволят ли конелюди им объединиться для совместных решений проблем? Но попытаться, в любом случае, стоило. Минотавры – многочисленный и могущественный народ, заручиться их поддержкой, значит во много крат усилить влияние Старгонского княжества.

Вот только где их найти? Горы, словно срисованные с книжных картин. Высокие, статные, усыпанные снегом. Дух захватывало. И ни единой пещеры уже семь десятин...

Рассчитанный на время путешествия провиант давно закончился. Приходилось отстреливать горных козлов, чтобы прокормить группу из десяти человек. Трое из которых ди-

пломаты, четверо телохранители и два ученых, что изучают языки народов мира. Последние нужны, чтобы как можно скорее наладить с минотаврами переговоры.

И эти двое, как раз и создавали больше всего проблем. Хилые книгочеи не переносили сырого горного холода и разреженного воздуха. Сам-то Конрад некогда служил разведчиком, он привык летать на пегасе, с высоты рассматривая, что творится в чужих местах. Но сейчас он вынужден идти пешком, с огромным ранцем за спиной, в который, помимо карт и провианта, сложена палатка, какой-никакой кинжал, на случай горных бандитов или чего-нибудь похожего. Там же хранится дар императору, чтобы с ходу показать минотаврам дружественные намерения.

Язык минотавров был абсолютно неизвестен. Но эльфы заверяли, что он сложен для обучения и весьма странный на произношение. Одно и то же слово может иметь несколько значений. Суть сказанного можно понять, только прослушав и поняв предложение полностью. Ну, на это у них и есть два языковеда, что итак помимо древнего и человеческого языка знают еще язык Эрмиллиона и гортанный язык орков.

Разумеется, можно было уповать на то, что минотавры, как и большинство развитых рас, знают древний. Но случай на случай смотрит косо. Лучше подстраховаться и попытаться изучить «пещерный» язык.

Еще почти полторы десятины пришлось проблуждать в горах, зарабатывая кровавой кашель и обморожения,

прежде, чем они нашли то, что искали.

Огромный грот, в который пройдет корабль средних размеров, украшенный двумя постаментами в виде тех самых минотавров, вооруженных тяжелыми топорами. Видимо, создавался этот монолит еще тогда, когда пещерники едва стали культурным народом. Но об этом лучше спросить у них самих. А пока важнее было понять, как глубоко уходят эти пещеры вглубь гор.

Было решено разбить лагерь внутри пещеры, не заходя слишком глубоко. Стоит для начала разведать, как далеко им придется спуститься, чтобы найти хоть кого-то живого.

На роль разведки Конрад вызвался сам, взяв с собой двоих телохранителей. Взяв с собой пайка на пол дня, они пошли вглубь. Свет от выхода очень скоро прекратился, но темно тут не было. Все стены оказались заросшими странными грибами и цветами, что излучали голубоватый и зеленоватый слабый свет. Этого вполне хватало, чтобы не напороться на какой-либо выступ или сталагмит.

Ход был относительно прямым, без природных изгибов и узких лазов. Трудно верилось, но все эти пещеры были вырублены вручную. Наверное, ушли годы, а то и десятилетия, чтобы все это обустроить. Но, казалось, что оно стоит того. Вряд могло пройти не больше двадцати всадников. Идеальное решение для защитников, которые смогут очень сильно потрепать нападающих стрелами прежде, чем те доведут таран до ворот.

Иногда попадались строения, словно специально рассчитанные на обрушение груды камней, таившейся над ними. Это могло бы надолго задержать армию врага. Не так глупы эти минотавры. Такие ловушки были расположены через каждые три-пять верст. Отступая можно было задержать противника на несколько дней, оставляя защитникам фору и изматывая противника разборами этих завалов.

Они прошли несколько часов, а то и дней пути в глубину, но ничего не менялось, по-видимому, пещеры уходили вглубь на невероятное расстояние, постепенно спускаясь все ниже и ниже. Стоит запастись козлятиной на несколько дней. И развернуться, когда еды будет чуть больше половины. Иначе они рискуют погибнуть бесследно в этих пещерах, так и не найдя ничего полезного.

На том и порешили, повернув вспять. После того, как Конрад и телохранители пришли к лагерю, отдохавшая все это время вторая половина воинов отправилась на охоту. Если каждый принесет хотя бы по взрослому козлу, то этого мяса должно хватить на пятину, если варить похлебку. Тогда будет смысл спускаться в пещеры и искать там что-то.

Но все оказалось гораздо проще. Охотники-то своих козлов подбили и принесли. Да вот только идти в пещеры самим ради возможно бесполезных блужданий им не пришлось. Уже на следующем рассвете из пещеры глубин вышел маленький отрядик минотавров, верхом на двуногих ящери-

цах, которые звались когда-то звероящерами или рапторами.

Каждый минотавр был на две головы выше любого из отряда Конрада. Мощные широкие плечи, крепкие лапы, оканчивающиеся копытами. Трехпалые руки с большими черными наростами на пальцах, словно маленькие копытца на каждом. Все покрыты шерстью разных цветов.

Выглядели они крайне враждебно, но, при этом оружие не вынимали. Остановились в полете стрелы и попросту выжидали, что будут делать люди.

Настал черед распаковывать дар минотаврам. Серебряный бюст коровы, отлитый лучшими мастерами Старгона. По надежде Барлина, бычья голова, отлитая серебром, должна дать минотаврам понять, что люди уважают и ценят их народ.

Взяв в вытянутые руки бюст, Конрад с двумя толмачами двинулся к минотаврам.

– Порит фа фиа?² – раздалось от быкоголовых, когда Конрад, преклонив колено, демонстративно вытянул тяжелую серебряную статую.

Конрад глянул на одного из языковедов, но тот с полным незнанием пожал плечами.

– И вы будьте здоровы, представители могучего народа Мапой, – Конрад и сам не знал, поняли ли его минотавры, но постарался выглядеть вежливым и дружелюбным. – Мы с дарами к вашему императору, хотим наладить дружеские

---

² Кто такие? – язык минотавров.

отношения между нашими народами.

В отряде минотавров поднялся негромкий гомон. Шепот и громкие вскрики ознаменовали спор быкоголовых о том, что делать с непрошенными гостями. После шумных разглагольствований, один из них, который обратился к Конраду, спешился и приблизился к Конраду, по-прежнему не вынимая оружия.

Минотавр так же, как Конрад, преклонил одно колено и принял в руки дар. Не встретив сопротивления от Конрада, он взял статую в руки и с любопытством осмотрел ее. Повидимому, статуя показалась ему достаточно ценной и интересной, потому что он встал, засунул ее под мышку и, сложив руке, словно в молитве, коротко склонил голову перед Конрадом.

– Литци керит³, – молвил минотавр, махнув рукой в сторону пещеры.

– Зовут пойти с ними, – понял Конрад. – Зовите наших, идем.

Целый день они блуждали по пещере, ведомые минотаврами. Дорога почти не разветвлялась, за весь день насчиталось едва ли две-три развилки. Но, не зная этих мест, они могли свернуть не туда и блуждать тут десятинами. Там бы и сгнули, не найдя ничего полезного.

Пришлось даже заночевать в сырой пещере. А спустя ка-

---

³ Следуйте за нами – язык минотавров.

кое-то время после рассвета, они вышли к огромной зале. Поистине огромной. В нее, словно игрушечный помещался невероятных размеров город, упиравшийся высоким дворцовым шпилем почти в самый потолок.

При более близком рассмотрении город оказался одновременно просторным и напоминавшим муравейник. Оказывается, в нем жило столько народу, сколько влезет в три людских города. И все время происходило какое-то движение. Все копошились, работали, отовсюду раздавался шум. Ни минуты покоя не было в этом городе.

Архитектура его была довольно интересной, каждая башня, напоминая елку, имела, казалось, несколько крыш. Они обручем овивали каждый этаж башни, а сверху заканчивалась острой шапкой. И все это было вырублено в скале или построено из каменных кирпичей небольшого размера. А крыши устланы каменной черепицей.

Стены внешнего города были выложены из огромных ровных камней, размером с коня. А внутренние были вырублены прямо в горе, как и сам дворец внутри. Все это во-все не казалось нагромождением камней посреди пещеры, то был настоящий масштабный город. Пещера даже сейчас вырубалась каменщиками для расширения города.

И он не был мрачным, широкие дыры в потолке, уходящие на многие полеты стрелы вверх, пропускали достаточно света. Вкিপасе, чтобы днем город казался ночным городом других, что располагался на земле. А факелы и жаровни,

где постоянно поддерживалось пламя, дарили ему даже какой-то ночной шарм. Создавалось ощущение высокой культуры и развитого государства, когда смотришь на эту красоту со стороны.

Весь город, помимо привычного огня освещали созданные из бумаги фонари, что располагались на веревках, паутиной связывавших наверху зданий между собой. Разноцветные, они создавали ощущение праздника в обычный день. Конрад уже сейчас понимал, что людям есть чему поучиться у этого народа. Как минимум их единству, слаженности и культуре.

Весь этот день они провели в городе. Трапезничая с правителем за его столом и ожидая, когда соберут отряд. Они поняли, что это не столица, это приграничная провинция. Столица находилась в центре. Конрад прочел это на карте, что украшала трапезный зал. Обычной столовой это не назвать. Это был настоящий праздничный зал, в котором не стыдно обедать с гостями и другими правителями.

Так вот, на той карте было нарисовано девять городов, центральный из которых был нарисован не то что бы больше или краше. Но он явно отличался от остальных восьми. Туда, как понял Конрад, их и поведут для дипломатических дебатов. Там они и осядут, пока не наладят союз или хотя бы торговое соглашение, выгодное обоим государствам.

На языке древних никто из минотавров не говорил. Даже

их политики и ученые. Они жили здесь, в горах Сокрытия, как называли их люди. В изоляции от внешнего мира. Хотя Эрмиллион был знаком с ними и явно вел торговлю. Иначе, откуда тут столько еды при полной невозможности возвращать культуры и скот под землей.

А язык Мапоя не напоминал ни один язык из внешнего мира. Это совершенно независимая ветвь культуры, которая развивалась, ничего не заимствуя у соседей. Потому, быстро наладить общение не удалось.

Лишь через двенадцать дней после того, как минотавры нашли людей в своих пещерах, отряд Конрада добрался до столицы Мапоя. Им снарядили рапторов, на которых они, в сопровождении все тех же минотавров двигались по уже более сложной системе пещер к городу.

В столице они едва могли протолкнуться от минотавров, гарпий⁴ и медуз⁵. Народу было столько, что весь город словно кишел ими. И откуда они берут еду, чтобы прокормиться?

Их пригласили во дворец императора, и с этого дня началась плотная работа по созданию общения между двумя народами. Языковеды людей в купе с учеными и дипломатами Мапоя ежечасно показывали друг другу различные предметы, называя их каждый на своем языке. Делились письменностью. Минотавры, как оказалось, писали все с помощью

---

⁴ Гарпии – людеподобные создания с перьевыми крыльями вместо рук.

⁵ Медузы – Полулюди-полузмеи со змеиными хвостами и живыми змеями вместо волос.

иероглифов, как когда-то давно эльфы. Язык был очень сложен, но интересен и даже по-своему красив.

Люди за это время многое узнали об их народе. Например, пещерные жители только недавно объединились в большое государство. До этого они были, как и люди, и болотники, и орки, раздроблены на отдельные княжества и регионы. Этот опыт минотавров станет невероятной помощью для Барлина, чтобы помочь ему объединить под своими знаменами всю Хотию.

Еще минотавры были очень набожными. Очень много тратилось на строительство храмов и пропаганду религиозного образа жизни. Почитали в этом государстве Нуириона. Бога порядка и времени. Первобога.

Если бы не нашествие кентавров, что помешали Мапою, как и Хотии, они могли бы и дальше развивать культуру и традиции. Кентавры диктовали им свои законы и порядки. Потому, многое кануло в варварскую пучину бескультурья.

Продукты Мапой получал за счет торговли. Богатые полезные ископаемые горы позволяли вывозить металлы и драгоценности тоннами, получая взамен зерно, овощи и фрукты. Иногда мясо, но мясо ели не минотавры. Мясо ели гарпии и медузы. Вот только эта торговля не давала возможности содержать постоянную армию и большую казну.

Потому, армия Мапоя была, скорее временной. Люди нанимались и вскоре уходили со службы, чтобы работать в кузницах, шахтах и мастерских. Еще и кентавры отнимали льви-

ную долю золота государства в виде податей. А иначе грозились атаковать. А воевать в Мапое опять же некому. Вот и живут бедолаги под гнетом, не в силах разорвать порочный круг.

Дипломатический Совет Союза вновь созвал собрание в чистом поле. Туда отправлялись короли со своими ближайшими войсками и дипломаты всех мастей. Торгаши, главы ремесленных гильдий, участники сенатов, представители градоправителей и названных королей.

Получались почти тысячные толпы народу, идущие от трех государств. Беордваль ненавидел присутствовать на таких сборищах изнеженных белоручек. Он был бы рад, если бы ему не приходилось посещать их, ведя королевские гвардии. Это было настолько скучно, сидеть десятинами в чистом поле, пока любители пустых разговоров померяются срамными удами.

Но, в этот раз он шел во вполне неплохом настроении. Это собрание было созвано Хеределем. Он нес с собой грамоту об объявлении войны. А это означало, что очень скоро Беордваль поведет огромное войско Днапотиза, чтобы прекратить, наконец, шпионаж, саботаж и диверсии от проклятых лазутчиков Бнотзэха.

Современные войны, конечно же, далеки от войн, что были пятьдесят лет назад, когда они шли, обманутые титанами, уничтожать все живое, что не входит в союз. А что не уни-

что жать, то покорять. Беордваль считал себя благородным рыцарем. Он не станет творить геноцид без веской на то причины. Но он обязан пройти по землям болотников, покоряя город за городом, чтобы умерить, наконец, пыл ящероголовых, что намереваются ослабить Днапотиз.

Союз сегодня уже не был по своей сути союзом. Это были государства, сохраняющие нейтралитет. Тириз, Днапотиз и Бнотзэх. Когда Хередель объявит войну Бнотзэху, орки, скорее всего попросту вернуться в Тириз, не препятствуя войне и не выбирая чью-либо сторону. Этот съезд и вовсе нужен только для того, чтобы умаслить кодекс рыцарской чести. Сегодня они заявят о войне, а через сезон пойдут на завоевание Бнотзэха. И от того, как те успеют подготовиться, будет зависеть, сколь успешно они смогут защищаться.

В любом случае, Беордваль знал, что войска гноллов хорошо обучены и подготовлены. И даже без помощи рыцарей, смогут покорить земли болотников, что мало времени и сил отдавали военной мощи своего королевства.

И вот, сидя в большом шатре, куда созваны все чиновники каждого государства, он наблюдал за жирными рожами орков, змеиными мордами болотников и на своих же гнолльских неженках из знати. Зрелище омерзительное для воина, который уважал только тех, кто следил за собой. Тех, кто день и ночь проводил в тренировках и книгах, готовясь постоять как за свои земли и свою честь, так и за честь тех, кто был ему дорог. За вот Этих вот стоять желания почему-то

было мало. Но честь рыцаря велит охранять в первую очередь честь государства. А вся эта знать себя таковой и называла.

Хвала Кедопегу, заседание длилось недолго. Едва Хередель бросил к змеиному носу Сисдиаса грамоту с объявлением войны, как болотники взорвались. Они орали что-то про оскверненную честь, рыцарские законы и о том, что лазутчиков никто никогда не отправлял. Наглая ложь, чтобы выставить гноллов бесчестными предателями.

Но, как и предполагалось, на орков эти разборки не произвели никакого впечатления. Им просто было плевать. Пусть дети разбираются, ведь их «империи» это безразлично. Пусть хоть оба из союза выходят и Тиризу войну объявляют. Плевать.

Разумеется, объявлять войну Тиризу никто не намеревался. Орки, хоть и были выбиты из колеи внутренними распрями и насильственной сменой веры, все же по сей день имели самую сильную армию и самое лучшее вооружение. Даже пищали, что перешли от эльфов в Союз, были у них лучше. Били дальше, точнее, а воины их всю жизнь посвящали войне.

Не уж, в войне Тиризу равных нет. Потому-то они и не обращают внимания ни на что. Мунк вообще, едва начался крик, молча встал из-за стола и вышел из шатра. За ним последовала и знать Тириза. А когда гноллы и болотники закончили пустые крики и оскорбления и вышли из шатра, ор-

ков уже и след простыл. Отправились в свои земли, дальше решать внутренние проблемы.

С тех пор все шло так, как любил Беордваль. Войска были поставлены «в копье». Ежедневные тренировки до изнеможения, с выходными на девятый-десятый день в десятине. Все по военной профессии. Кузницы и кожевенные работали не переставая, каждый вечер в казармы, стрельбища, военные склады и конюшни приезжали телеги с оружием, кольчугами, наконечниками для стрел, кожаными доспехами, самими стрелами, инструментами и многим другим.

В четвертую десятину заработали и мастерские полевой артиллерии. Баллисты и катапульты битком забивали все ангары этих мастерских и прилежащие к ним улицы. Крестьяне с соседних деревень сгоняли в города волов стадами, вепрей, и стаи страусов. Все сгодится в походе. Готовились тысячи телег. Строились десятки транспортных и военных судов, уже готовые причалить к берегам Бнотзэха, разбив их защитные здания.

Поход будет поистине великим. И он, Беордваль, будет тем, кто заработает себе честь и славу на многие века вперед. Его имя будет храниться в истории как имя того, кто покориł болотников во славу Хеределю и всему Днапотизу!

– Кожошжо рат о`т?⁶ – спросил один из эльфов. По-види-

---

⁶ А этот откуда? – эльфийский язык.

мому, капитан корабля, на котором его согласились отвезти на юг.

– Коаэпосам иосоо тобваж оавр «Пнордо»,⁷ – ответил ему кто-то из матросов.

– Вы можете говорить на древнем, – пояснил Бродяга. – Я прекрасно понимаю эльфийский.

– Так зачем тебе на юг? – спросил капитан.

– Ищу приключений, – пожал плечами человек.

– Но там голый океан.

– Может быть, но есть легенды о южных землях. Говорят, там богатый материк с древними созданиями, что несут мудрость.

– Начитаются книжек, – сплюнул эльф. – Ладно, платишь ты щедро, можешь просить, что хочешь. Пока паруса на моем ОЭКСе⁸ целы, отвезем хоть на край света. Только не докучай в дороге.

– Не стану, – заверил его Бродяга. – Пара книг в дорогу есть, запасаю у друидов в Семгире. Буду дальше постигать легенды и знания.

– Мапод омромоиэт, – выругался капитан судна, то ли забыв, что Бродяга его прекрасно понимает, то ли плюнув на это. – Поднимайся на корабль. Скоро уходим.

Они отошли в пятьдесят второй день осени. Когда на северный Кониун уже выпал первый снег. Бродяга, или, как

---

⁷ Он называет себя «бродягой» – эльфийский язык.

⁸ ОЭКС – Одномачтовое эльфийское каботажное судно.

звали его эльфы – Пнордо, как и обещал, не мешал работе моряков. Капитан не мешал ему в ответ. Только старпом Вайрран, стройный эльф с плоским лицом, обветренным морскими ветрами и солью, широким носом и орехового цвета волосами, едва достающими до плеч, иногда навещал его, узнавал, как дела.

А дела были не очень. Пнордо боялся выходить в море. Всю жизнь боялся. Страшной смертью для него было утонуть в море. Едва берег пропадал из виду, как он забивался в угол, стараясь не выходить из каюты. И все время твердил себе, что он все еще около земли. Помимо этого, его одолевала морская болезнь. Он почти ничего не ел, потому что его сразу же рвало. Ему было тяжело ходить из-за головокружения. И так же тяжело лежать. Так он и проводил все плавание. Уперев взгляд в стену и бубня себе под нос, что этот корабль не утонет никогда.

В Брейак он пришел за одиннадцать дней до отплытия. Все это время ему приходилось искать свободный флот. Хотя какой уж там флот. Судно, что отвезет его на юг. Там, по рассказам и легендам, действительно есть материк. Только вот интересуется его совсем не приключения и мудрость. Оттуда исходит угроза. Туда, тридцать шесть лет назад Пронт забросил посох, в надежде спрятать его в морской пучине на веки вечные.

Вот только именно оттуда друиды и старцы, кто может хотя бы немного услышать Альконар, ощущают беду. По все-

му выходит, что Пронт попал как раз на этот материк. А те, кто там живет, научились пользоваться его силой. Иначе бы Альконар молчал.

Теперь он отсыпал столько золота, сколько едва увозила его лошадь, оставив себе небольшой кошель. Монет пятьдесят, а то и меньше. И все это только для того, чтобы моряки согласились пойти с ним в те земли, даже не веря, что там вообще есть суша.

И путь их ожидал неблизкий и уж точно не безопасный. На второй же день они нарвались на ког пиратов. Тогда Зелмар, капитан корабля отдал приказ идти на таран. Просто идти в рукопашную не было смысла, команда с виду одинаковая, вот только коги были лучше защищены, защищать его было удобнее. Потому, было безопаснее и проще пробить их корабль насквозь. Благо, маневренность корабля позволила зайти к пиратам с фланка и ударить в борт, пока команда из двадцати человек, вместе с Бродягой, обстреливала из луков пиратов, что уже стояли на борту, готовых к abordажу. Низкая посадка ОЭКСа позволила ему без особых потерь для корабля пробить огромную дыру в коге и пройти насквозь, не оказавшись утянутым на дно.

Все, что всплыло с корабля, было подобрано или, если оно еще и шевелилось, добито стрелами.

Было странно наблюдать за эльфами, которые первыми изобрели пороховые ружья, стреляющими по врагам из луков. Конечно, бродяга понимал, что суда эльфов еще не на-

столько развиты, чтобы устанавливать в их трюмах бочки с порохом и снарядами. Порох отсыреет. Но беда в том, что Эрмиллион вообще отказался от стрелкового оружия, перейдя на традиционные луки и стрелы.

В книгах говорилось, что такие войска не оправдали себя в последних битвах, потому эльфы решили оставить эту затею до лучших времен, продолжая орудовать простыми луками. Уж этим оружием эльфы пользовались превосходно. Высокая скорострельность и острый глаз эльфов позволял нанести колоссальный урон врагу, в то время, как Союз, ловко перенявший эти технологии, едва успевал перезарядить ружья для очередного залпа.

Погода всю дорогу менялась, словно девка в беременность. То жара, то морозы, то ясно, то град. На шестой день корабль попал в бурю, что не прекращалась два дня, а на третий и вовсе переросла в настоящий ураган со смерчами и ветром, разрывающим паруса. Пришлось идти слабым ходом, управляя только веслами. Парусину было жалко. Но и его они пережили, продолжая путь дальше на юг.

На девятый день, едва они оправились от урагана, снова нарвались на пиратов. В этот раз пришлось устраивать хоровод с перестрелкой, пиратов было гораздо больше. Да корабль у них был современный, явно угнали у торговшей Союзу. Тем более, что это были никто иные, как орки. И уж с ними на abordаж идти не было смысла совсем.

Все же, их удалось прогнать. Они бежали, потеряв большую часть команды. Но и эльфы потеряли восемь моряков, еще один был ранен, но оправился через пару дней. Настроение команды сильно упало. Они ворчали на Бродягу, пока тот не заверил их, что сумма, которую он им выплатит, не изменится от потерь. То есть, если раньше выходило почти двадцать две тысячи дир на каждого, то теперь эта сумма приблизилась к тридцати шести дир на каждого.

А сумма эта немалая. На них можно купить богатый дом, или ферму, битком набитую скотиной. В придачу останутся деньги на телегу, или модные в дорогих слоях кареты. А если так рвутся дальше плавать, то могут купить четыре таких же корабля в складчину, еще и на содержание останется. Или два Ланнаса, боевых корабля с командой. А то и одну баглу. Лучший корабль эльфов: вместительный, с командой на пятьдесят моряков, вооруженный небольшими орудиями. С таким можно самому за пиратами гоняться.

Это значительно поубавило пыл моряков, и они уже не так гневно продолжили выполнять свои обязанности. Все же, думал про себя Бродяга, деньги могут решить очень многое. Хорошо, когда они достаются легко.

Еще одну бурю они пролетели на всех парусах уже на последней десятине пути. По дороге пришлось еще раз нарваться на пиратов. Уж очень много их было в этих местах. Но, подняв красный флаг, Зелмар вызвал пиратского капи-

тана на поединок. Сражались на ОЭКСе эльфов. Пираты были уверены в своих силах. Тем более, что сражаться честно пираты не умели. Потому, Зелбар тоже позволил себе в пылу сражения выдернуть из-за пояса еще и кинжал, и всадил его в горло пирату. Орки, только теперь дикие. Никуда от этих серокожих не деться, ни на суше, ни в море.

Еще отряд пиратов, увидев трофейные пиратские флаги на носу Зелбаровского каботажного судна, сразу подняли белый флаг и решили договориться миром. Естественно, команда Зелбара обогатилась еще на несколько килограмм драгоценных металлов.

А последние, что пристали уже на предпоследнем дне плавания, потерпели страшное крушение, как и самые первые, в водах Эрмиллиона.

И уже через день после всех этих приключений на воде, с вечной рвотой и болезнями, Пнордо сошел на берег. Он, как и обещал, сгрузил оставшимся пяти морским волкам все навьюченное на коня золото. Вышло по восемьдесят восемь тысяч дир на эльфа. От себя он добавил десятку старпому и коку Нарвайну, что всеми силами старался готовить для Бродяги отдельную кухню, которую смог бы переварить ослабший от постоянной рвоты желудок парня.

На прощание Нарвайн и Вайрран крепко обняли парня, кок едва не прослезился. А Зелбар, крепко пожал ему руку, похвалив его стойкость и готовность поднять оружие за общее дело, даже тогда, когда сам себя едва мог поднять на но-

ги. По итогу, знатно поредевшая команда двинулась на север, обратно домой. Только теперь окольными путями, чтобы не нарываться на пиратов.

А Бродяга остался совсем один со своим конем и шестью с лишним тысячами дир в кармане. Разумеется, деньги небольшие, восемь боевых коней можно себе позволить, или пять львов, если пожелать. Но, желания у него такого не было. Он уже нашел недалеко пирс, откуда в его сторону двигалась тучка, едва поднимаясь над землей. Странно как-то.

Он решил не испытывать судьбу и спешил. Бросив оружие себе в ноги, он так и стоял, держа коня в поводу. Доспехи снять он бы все одно не успел. Потому что тучка приблизилась за несколько мгновений, и теперь силуэты, больше человеческих, кружили над ним, размахивая кожистыми крыльями. Этого не может быть!

Беордваль, оставшийся в арьергарде войска, наблюдал с башни док, как к четырем причалам подходят хольки. Сперва грузовые, потом военные. Как солдаты загружаются на борт, как туда же выгружают телеги с провиантом. Погрузка таким темпом будет идти восемь-девять десятин. И это, на его взгляд, ничтожно малая толика времени перед тем, как это войско пройдет по землям Бнотзэха.

Войско подготовлено огромное. Почти шестьдесят тысяч пар вооруженных рук. Двенадцать тысяч пехоты, три тысячи арбалетчиков, почти тридцать шесть тысяч наездников

на верблюдах, девять тысяч всадников на крылатых пантерах, шесть онагров и почти триста тридцать стрелометов. Под таким натиском падет любой город. Даже Паргас, если не успеет подвести свою армию. А она у Тириза поистине огромна. Армия, пусть и будет на шесть тысяч меньше, чем у Днапотиза, зато рыцарей в Тиризе было едва не втрое больше.

Первые корабли двинутся в путь уже завтра, остальные продолжают загружаться до середины зимы. И к концу этого года все войско уже высадится на берег Бнотзэха, чтобы захватить первый из десятка городов и пойти дальше победоносной лавиной.

Бродяга глазел во все глаза. Все вокруг казалось ему настолько древним и позабытым, что поверить в то, что этот клочок культуры древнего народа сохранился, было почти невозможно. Но он ходит здесь, изучает древнюю архитектуру, смотрит на панно и картины, бесстыдно рассматривает представителей самого народа. И действительно, уже больше семи сотен лет никто не видел Альков!

Это были альки. В этом он не сомневался. Вытянутые лица, копыта вместо ног, кожистые крылья за спиной. И они приняли его как гостя, позволив ходить везде, все смотреть и все трогать. Кроме местных женщин, разумеется. Порядки тут были куда строже, нежели у эльфов. Женщины закрывали лица, а спать с кем-то была возможность только после

свадьбы.

Да и порядки были очень строгими и отдавали дань традициям тысячелетней давности. Пусть даже они и были достаточно развитым народом, что в изоляции научился использовать порох и стрелять из «кричащих палок», что называли теперь ружьями.

И эта современность уживалась в одних городах с самым древним, что можно себе представить. С динозаврами! Щитоцератопсы были у них как домашний скот, вместе с ящеролофами. В бою они дрессировали тираноящеров, а верхом ездили на стегоящерах и бронеспинах. Над городом нередко пролетали птероящеры. Все это уже трудно найти даже в учебниках и старых книжках, а тут все ящеры бродят по улицам, как обычные животные. Поистине невероятное место.

И они все говорили на древнем языке, что помогало с легкостью находить с ними общий язык. Они охотно делились своими знаниями, своей культурой и традициями. Даже давали погладить щиторатопца и прокатали на стегоящере.

Огромная глупая с виду машина с длинным хвостом, обрaмленном четырьмя шипами с хороший меч длиной, покорно пустила себе на спину седока и потихоньку прокатали по загоу. Бродяга был в огромном восторге. Никто из людей даже слышать о таком не мог. Все, что люди знали об альках и их культуре они почерпнули от эльфов. А много ли те знали о созданиях, что жили сотни лет назад?

Так или иначе, Бродяга не нашел то, что искал. Но он договорился с альком по имени Каемааг. Он был князем в этом городе, который звался Торкрум.

Лысый альк с усами сообщил ему, что знать о силе, из-за которой Бродяга пришел сюда, может старейшина в столице, его зовут Стеорд. Бродяге пообещали снарядить отряд и отправить в столицу под охраной, где он познакомится с императрицей Миахамерой, Стеордом и верховным магом Аходо-наном. Чего он и стал дожидаться, блуждая по городу и глядя во все стороны от невозможности происходящего.

Они вышли в путь на третий день его пребывания в Торкруме. Затем он должен был присоединиться к отряду охраны, что восседала на бронеспинах, бывших шесть шагов в высоту и пятнадцать в длину.

Дорога должна была занять почти пять дней. Каемааг и сопровождающий заранее предупредили его о суровости погоды в зимние времена. И о множестве опасностей, что подстерегали их в пути. И с погодой они точно не ошиблись. Едва они выехали за ворота, как их пробрал до костей холодный степной ветер и мороз.

Весь день Бродяга и альки травили истории, рассказывали анекдоты, и пели песни своих народов. Разумеется, бродяга тоже пел песню про Хота, баллады о Пронте, Снатогге, Юноре и Амазире, песни о Кедопеги, что складывались после его жертвы. Научил альков паре молитв во славу Кедда. Разумеется, бог считался мертвым и молились все скорее

остаткам его силы, что сейчас теплится в стволе Мирового Древа. Но и этого хватало для того, чтобы жизнь казалась не такой жестокой в такие суровые времена.

Но, хорошее настроение не могло справиться с пронизывающим ветром. И наутро Бродяга немного приболел. Хотя алькам было нипочем. Ему дали плотную шкуру щитоцера-топса, но она защищала только от ветра, но несколько не согревала. Тогда он попробовал подбавить свои силы за счет магии, что хранилась в нем.

Помогло, но не сильно. Но на следующий день он чувствовал себя гораздо лучше, тем более, что и погода немного разладилась. А они все брели и брели неспешной рысью его конь и торопливым шагом динозавры. Еще два дня пути до столицы, стоит поберечь силы.

Они шли уже по лесным массивам, пройдя по пути границу степей и леса. Тут они встретили дикого спинойщера. Еще большего, чем тираноящеры. С огромным парусом на спине, как объяснили альки, так он греется на солнце, сохраняя тепло. Его длинная морда показалась из-за деревьев куда раньше, чем стал заметен парус.

Альки, словно всю жизнь так делали, попрыгивали с ящероспнов и взмыли в небо на крыльях. Они окружили голову динозавра, не давая тому сосредоточиться на ком-то одном, и начали посыпать лицо спинойщера стрелами. Скоро или не очень, но раздалось два негромких хлопка и динозавр с ревом агонии начал метаться вокруг себя, разворачиваясь

на месте и хватая пастью все, что задевало его.

Конечно же, все до чего он дотрагивался, были деревья. Альки уже давно сели обратно на бронеспинов и поехали дальше по усыпанной снегом дороге среди лесной просеки.

– Может добить? – сжалился Бродяга, замороженный слаженными действиями альков.

– Сам помрет, – отмахнулся офицер альков Наомадан. – Он не дает нам торговать. И другие, как он. Мне их совсем не жаль, и тебе не советую. Он бы над тобой не сжалился.

– Вам виднее, – пожал плечами человек, следуя за своим конвоем. Тем более, что столица страны альков уже была видна в паре часов пути.

Глава 2

Миахамера пригласила Бродягу во дворец. Там, за большим пиршеским столом ему удалось отведать хорошо приготовленное мясо и яйца динозавров. Не курица или свинина, конечно, но съедобно.

– Тебе ведь не впервой отведать динозавровое мясо?

– Что? – не понял Бродяга.

– Ты ведь уже ел это мясо, почти семь сотен лет назад.

Кус мяса едва не застрял в горле человека. Он закашлялся и вымолвил. – Откуда вы знаете, Ваше императорское Величество?

– Мы живем вдали от вас всех, – начала объяснять алька, сложив крылья перед грудью. – Но мы умеем слушать Альконара, как и ты. И не говори, что пришел сюда только потому, что тебя прислал Дреол или его друиды. Да, это имя нам тоже знакомо, – уточнила она, видя ошарашенное лицо своего гостя. – Мы знаем о том, что ты сделал тогда и что сделал тридцать пять лет назад. Мы чтим то, что ты делаешь для Альконара. Он ведь и наш дом тоже. Но почему ты прячешься за прозвищами здесь? Пронт из Хота.

– Привычка, – стыдливо отвел глаза Пронт. – Так вы знаете, зачем я здесь?

– Разумеется, мы тоже слышим волнение Альконара. – кивнула императрица и улыбнулась Пронту. – Но тебе

не о чем беспокоиться, Страж Альконара. Альконар боится, что мы повторим то, что сотворили зараженные тысячу лет назад. Он боится, что мы приведем в этот мир Заразу.

– Можно объяснить? – полюбопытствовал человек.

– Их Величество говорит о том, что мы продолжаем науку наших предков. И ты помог нам в этом, – вмешался старейшина альков. Стеорд был пожилым альком, выглядел лет на тридцать-сорок по меркам человека. Но Пронт понимал, что возраст его гораздо больший. Сколько он знал об альках, то это то, что они жили срок, сравни вечности. Наверняка Стеорд застал не только день Великого Грома, но и зарождение Империи в целом.

– Как это? – опешил Пронт.

– Та ветвь, что ты случайно забросил в наш мир, дала росток. Каждую весну он покрывается огромными листьями. Мы используем их для того, чтобы разрывать пространство и изучать другие миры. Это поистине интересно!

– Вы снова балуетесь с сетью миров?! – Пронт уже не удивлялся, он начинал закипать всерьез. – Снова хотите пустить демонов в наш мир?! Едва мы закрыли их ворота, как вы отворяете для них вход в подвал?!

– Не смей говорить в таком тоне с альком, что прожил почти четырнадцать тысяч лет! – тихо, но грозно заявила Миахамера.

В гневе она выглядела совершенно другой, но, по-своему красивой. Наверняка для альков она является эталоном кра-

соты. Стройная, плавные черты лица, тонкий нос и тонкие губы. Полная грудь и округлые бедра. Глубокие темные глаза и пшеничные волосы до самых пят. Да, она выглядела именно императрицей, а не деревенской теткой. Стоит вести себя с ней, как подобает, в конце концов, он в гостях.

– Прошу меня простить, – склонил голову Пронт. – Но мне хотелось бы, после всего, что я пережил за свои почти двести лет, верить, что это все безопасно.

– О, это безопасно! – поспешил заверить его Стеорд. – Наши червоточины открывают лишь окна в другие миры. Через них только и можно, что тайком подглядывать за тем, что происходит в других мирах. И держится это окно не больше часа. Много вреда это не принесет.

– Тогда я хотел бы взглянуть на это окно лично, с вашего Императорского позволения, – обернулся он к Миахамере, дожидаясь кивка.

Та кивнула, и он вновь обернулся на старейшину.

– У нас остались листья за этот год, но очень мало. Если вы хотите поприсутствовать на плановом открытии червоточины, то вам придется погостить у нас до следующей десятины.

– Если это возможно, и никому не помешает, я волен задержаться хоть до следующего явления богов, – убедил его Пронт. И, когда старейшина и императрица переглянулись, обменявшись кивками, он попросил позволения пойти заняться дальнейшим изучением их культуры и ремесел.

– Тебе будет выделена комната в моем дворце. Стеорд зайдет за тобой позже, чтобы познакомиться с нашим институтом изучения других миров. Можешь быть свободен.

– Благодарю вас, Ваше Императорское Величество, – поклонился Пронт, прежде чем покинуть зал и отправиться куда-нибудь, подышать.

Он сел в последний корабль, когда все остальные, растянувшись на многие версты в длину, уже шли по воде в сторону берегов Днапотиза. Путь займет три с лишним десятины, только бы воины за это время не забыли, за какой конец копья браться.

Хотя чего уж он? Уж в гноллах Беордваль не сомневался. Гноллы, как и орки, всегда были наготове схватить оружие и выйти на войну. Не то, что эти миролюбивые болотники. И как их вообще взяли в Союз? Они же все привыкли решать миром. По сей день они только и делали, что трепались попусту и пытались развалить Днапотиз хитрыми пакостями.

Но теперь этому настал конец. Скоро флот Днапотиза причалит к их берегам и осадит первые города. Беордваль просто болел этой идеей, словно фанатик желая покорить земли Бнотзэха и стать куда ближе к рангу князя, а то и короля!

И флот шел так, как должен был. Моральный дух крупнейшего войска был на высоте. Гноллы чувствовали свое преимущество в бою. Они были готовы к высадке. Ох, дер-

жись Сисдиас. Ты поплатишься за свою глупость и наглость.

На семьдесят третий день зимы, пробыв в море уже восемь дней, они нарвались на первые морские заставы болотников. Те уже ждали их, и вывели вперед несколько боевых кораблей, чтобы те смогли передать донесение о вторжении гноллов. Но не тут-то было.

Боевые хольки гноллов стремительно врезались в ряды флота Бнотзэха, баллистами и стрелометами отправляя тучи горящих снарядов, пока рептилиды не успевали даже развернуть свои суда, состоящие в основном из грузовых хольков. Все их вооружение это лучники, что почти не нанесли потерь гноллам. Ну пожгли немного парусину, но всегда есть запасная!

Гоняли они их почти десятну, когда догнали и потопили тот самый легкий корабль, что должен был поспеть с письмом к Сисдиасу, чтобы тот подготовил войско к ним на встречу.

Народ это очень обрадовало. Бнотзэх будет ждать этого письма и не успеет подготовиться к войне. У Днапотиза появился элемент неожиданности. И они им воспользуются на полную.

Конрад все не мог дождаться того дня, когда люди и минотавры придут к общему соглашению. Чего ждать? Союз? Торговля? Или Мапой пожелает остаться в небытие? С другой стороны, они приняли их. Приняли, как дорогих гостей.

Люди не сидели в темницах и, упаси Кедопег, не оказались скормлены варгам или рапторам. Бывший разведчик, а сегодня лидер дипломатической экспедиции, видел в этом уже хороший знак. Что бы ни случилось, это не должно закончиться плохо для людей. И уж тем более, не причинит вреда самим пещерникам.

Они уже полгода провели в империи Мапоя. Знакомы со многими сохранившимися традициями. И они были ими вдохновлены. Жизнь в Мапое не учила ничему худому. Старость уважали и почитали. Друг друга тут привыкли встречать и провожать так, словно не виделись десять лет и еще столько же не ждали встретиться. Эта страна была пропитана чем-то таким, чего Конрад не видел еще нигде.

Да, законы и порядок блюлись здесь под надзором Джерама, императора с огромной династией. Он, как и его предки держали государство в ежовых рукавицах. Но, единственные, кто еще мог взбунтоваться или устроить пакость, это молодежь. С возрастом минотавры привыкали жить в традициях и почитании друг друга. Тут даже грань знати и черни с годами размывалась.

Казалось, что кругом царит идиллия. Сам Джерама отзывался, что эта идиллия лишь мираж, маска. Но Конрад считал, что это просто его привычка к строгости, и ощущение близкой беды. Но кто сказал, что беда обязана прийти именно из Мапоя? Тут даже чужаков приняли, как званых гостей. Даже не требуют разоружиться, потому что не желают зла

сами и не ждут его извне.

Почему же Конрад так беспокоился от предстоящих дипломатических договоров? Чего было бояться? Минотавры всем своим видом показывали, что люди им по душе. Но, никто не отрицает того, что это добрый взгляд змеи, что заворожила мышь и готовиться всадить в нее яд.

Но, с другой стороны, до Хотии отсюда едва ли четыре дня верхом. Армия с обозом доползет за пару десятин. Тириз годами проводил в походах, когда шел завоевывать земли Эрмиллиона. Если бы пещерники были настроены враждебно, или желали себе другой жизни, они бы давно пришли войной. Не просто давно, а Очень давно. Они старая раса, что живет тут едва ли не столько же, сколько эльфы и орки. Они могли покорить людей еще тогда, когда демоны только ушли из Альконара и прекратили прятать людей под теплым крылышком.

Но они ведь этого не сделали. Не покорили, не изничтожили. Они не воевали с эльфами, с орками. О них вообще не было ни слуху, ни духу. Все, что было известно о них, рассказывали эльфы из старых баек. Даже из ныне живущих эльфов очень мало, кто видел живых минотавров. Они вообще считали бы, что Мапой давно вымер в горах, если бы те регулярно не отправляли с фуриями и феями торговые обозы на обмен с Эрмиллионом.

Минотавры и с феями торговали, и с фуриями, что жили прямо над ними. Ну, может немногим севернее. Но все они

жили на поверхности, а Мапою необходимы были ресурсы снаружи, как и снаружи нужны были металлы, что добывались минотаврами в глубоких пещерах. Так они и живут веками, в мире и согласии с другими народами. Тем не выжить под землей, а минотавры чувствуют себя здесь комфортно. А уж договориться о торговле всегда можно.

Сегодня, на восемьдесят третий день зимы, его пригласили, наконец, в зал совета. Где уже ждали языковеды и дипломаты обеих сторон. Ждали только его. И он спешил, едва не путая ноги в переходах и лестницах с широкими ступенями. Широкий шаг минотавров не был сравним с коротконогими людьми. Идти по ступенькам обычно было очень неудобно. Через раз ноги сами просили сделать два шага на одну ступеньку. Но сегодня Конрад перелетал сразу через две такие ступени.

Остановившись перед дверью, он поправил растрепавшуюся от беготни шевелюру древесных волос и вступил в зал, твердо глядя перед собой серыми, почти белыми глазами. Минотавры почтительно встали, встречая его, люди нехотя повторили этот жест вежливости.

– эФ та жое, золтае⁹, – развел руки, словно перед объятиями, Джерама. – Керат агха хое шетл те. Зэе мвао¹⁰.

– Мвимви¹¹, – поблагодарил Конрад одним из немногих

---

⁹ Доброго тебе дня, друг. – язык минотавров.

¹⁰ Мы ждали тебя. Присаживайся. – язык минотавров.

¹¹ Спасибо. – язык минотавров.

выученных слов. То, что сказал ему император Мапоя, он итак понял. Из жестов.

– Они готовы подписать с нами союз, – раздался восторженный шепот одного из толмачей, как их звали в простонародье. – Осталась буквально пара формальностей.

– Я весь внимание, – бросил Конрад в середину стола, обращаясь ни к кому конкретному и ко всем одновременно.

Это оказалось, и правда, самым простым, что было за все это время. Пара подписей, императорская печать и взаимные клятвы в уважении и почитании народов друг друга. Это все, чего требовала союзная грамота, выполненная по старому, на пергаментном свитке. Хотя в Мапое уже всю писали перьями на бумаге.

Клятвы и те были заготовлены заранее. И были они на мапойском языке. Читать на нем было, конечно, невыносимо, но Конрад, как лицо, говорящее от имени Хотии, справился с этим на ура. Скорее бы доставить эту грамоту Барлину. Вот тот обрадуется новой силе.

Тем более, что союз был заключен именно с ним, если смотреть с дипломатической точки зрения. Именно его имя значилось в графе правителя. Теперь-то Хотия будет объединена в могущественное государство, с единым правителем и законами. Закончатся постоянные распри и боины за клочок земли. Закончатся грабежи и набеги на соседей в поисках легкой наживы и чужой жены для поругания.

Едва выйдя из зала, Конрад подал прошение о варгах,

на которых можно будет уехать. И отдал своим людям приказ собирать вещи. В Мапое, конечно, до безумия здорово, но пора и дома объявиться. Там жены, дети. Подумать только, полгода на чужбине. Но хоть не зря. Союз, высшее достижение, какого только можно было ожидать от этой экспедиции. И у них получилось.

Кто бы мог подумать, но альки и впрямь умели создавать небольшие дыры сквозь миры. Пронт лично видел, как те варили какое-то непонятное зелье, что напоминало дробленый мох по консистенции и цвету. Затем мазали этой гадостью какой-то инструмент, напоминавший «вороний клюв», только острие было длиннее. Затем старший маг просто взмахивали им в воздухе.

Оружие рвало воздух, словно старую льняную ткань, и в разрыве виднелось небо. Казалось бы, что оно такое же, как на Альконаре, но оно отличалось. Трудно сказать, чем. Может, там просто было темно из-за другого времени суток. Может, что-то еще. Но Пронт отчетливо понял, что это не просто какое-то зеркало. Это разрыв в пространстве. Оттуда на них и в самом деле смотрел другой мир.

– Сколько миров вы уже изучили? – с трепетом и глубочайшим уважением к этой науке поинтересовался Пронт.

– Множество, мой друг, – с улыбкой ответил Стеорд. Старейшина альков гордился впечатлением, которое их наука произвела на Пронта. – Скорее всего, все ближайшие. Мы

научились управлять тем, где откроется червоточина. Неточно, но в звездные скопления попадаем. И мы не можем зайти далеко от дома. А новых миров становится мало, и мы все чаще видим одно и то же. Это трудно обличить, когда смотришь просто на чужое небо или чужие леса. Но это так. Иногда мы попадаем на ночное небо. И звезды стоят там в знакомом нам порядке. Видишь вон тех послушников?

– Которые с дощечками и цветными угольками? – Пронт скосил взгляд на стайку молодых альков, Совсем молодых. Они едва вышли из возраста детей.

– Именно, – сложил крылья перед грудью Стеорд, закрыв бороду по самый подбородок. – Это писцы.

– Но они же рисуют? – удивился человек.

– Они пишут, – мудро поправил старейшина. – Пишут картины.

– А, художники! – понял Пронт.

– Пусть будет так, – кивнул Стеорд. – Так вот, рисунки стали совпадать. Если у тебя есть желание, я могу проводить тебя в нашу планетарную камеру.

– А можно?

– Разумеется, – пожал плечами старейшина. – Там хранятся наши знания. А от тебя, Стража Альконара, это не должно быть упрятано под сетью тайн. Сам увидишь, как разнообразен наш мир за пределами одного лишь Альконара.

– Жду не дождусь! – Пронт, что видел уже всю галактику, в которой они живут со стороны, вновь загорелся восторгом.

Он понимал Альков, хоть поначалу и не одобрял изучения чужих миров путем порталов. Уж очень большую тяжбу это когда-то принесло миру. Но он не мог сказать, что ему не было интересно, какие еще миры и планеты есть во вселенной. Сколько их, где расположены, возможно ли когда-нибудь ступить на новую землю? Увидеть чужие светила, может, их будет несколько в небе? Может они будут вообще летать вокруг планеты, крохотные, как Релат, Желат и Атот, спутники Хирсу, соседи Альконара. Это все вызывает странный трепет и ощущение, что мир еще может удивить даже того, кто обречен жить в нем вечно, если только не напорется на меч или копье. Наверное, потому альки, что живут тысячами и занимаются этим. Потому что дела будничные наскучивают уже за одну сотню лет. Уж Пронту с его вековым курсом тренировок ведомо это, как никому другому.

– Мы сделаем это завтра после завтрака, – напомнил о себе Стеорд. – Думаю, Аходонан охотно присоединится к нам, он любит рассказывать о своих творениях лично. Верно, мой друг?

– Как всегда верно, старейший, – ответил старший маг рагларской академии магов. Это была не обычная школа магов. Это была настоящая научно-магическая академия, каких нет нигде. И нигде не будет. Потому что вся магия, хранящаяся на Альконаре после падения Мирового Древа, осталась лишь в ветви, что теперь проросла на этом острове. Возможно, когда-нибудь Древо себя восстановит, или этот ро-

сток через тысячи лет прорастет достаточно, чтобы магия вновь теплилась прямо в воздухе. Но сейчас колдовать могли лишь единицы, у кого магия была врожденной. А в Рагларе это делали многие, даже Пронт ощущал, что колдовать тут свободнее, чем в любом другом месте Альконара. – Всегда рад поделиться знаниями с тем, кто их жаждет. Доброго здравия, Страж.

– И вам жить еще тысячи лет, – ответил Пронт.

Скорее всего, так и будет. Аходонан выглядел крепче и моложе Стеорда. Хотя младше его был всего на три тысячи лет. Всего? Он, действительно выбрал это слово? Сам-то живет меньше двух сотен. Пусть даже не умрет от естественной смерти еще многие тысячи лет. Но, по меркам альков это было около трех-пяти лет для человека. Действительно крохи.

А дыра тем временем, успела схлопнуться с противным звуком, как будто две коровьи лепешки ударили друг о друга.

Снаружи их ожидала зима во всей своей силе. Едва они отошли от входа в пещеру, через которую полгода назад вошли в Мапой. Как их окружила снежная буря. Пурга застелила все вокруг, дорогу едва можно было разглядеть под собственными ногами. Теперь-то они знали, что к подножию горы ведет дорога. По этим тропам когда-то шли великаны, собрав отряд в помощь герою Пронту Хотскому.

Но непогода несколько не омрачала настроения группы лю-

дей, идущих пешком сквозь заснеженные горы, чтобы поскорее добраться до родного Старгона и провозгласить на всю Хотию о том, что империя Мапой теперь союзник Барлина. И надо признать, союзник могущественный.

Ни варгов, ни рапторов им в дорогу не дали. Рапторы были слишком дикими, чтобы человек мог с ними совладать, если те, вдруг начнут бесноваться. А если начал один, тут же подключались и остальные. Стайный инстинкт. А варги и во все приучались к седоку с щенячьего возраста. Взрослый варг не подпустит к себе никого чужого.

Потому им пришлось продирааться сквозь сугробы, что доходили порой до пояса, своими силами. Ну да ничего. Доберутся до Старгона, там и отдохнут вдоволь. Уж это им, как всенародным героям, будет позволено. Уж Барлин за такой союз их осыплет золотом.

Погода наладилась уже на следующий день. Да, иногда снег падал с неба, но все это были кратковременные снегопады, а ветер. Что ж, это горы, можно и потерпеть пятину. Хотя, скорее всего, к подножию они выдут только на седьмой-восьмой день. Боги, да важно ли это, когда кругом такая красота и в сумке лежит грамота, которая впишет имена всей экспедиции в будущие учебники по истории. Вот придет он домой, похвастается первым делом сынишке! Вот Симул обрадуется!

На третий день они и вовсе устроили себе праздник! Мапойцы собрали им в дорогу свои традиционные блюда. При-

том, в зиму это было самым лучшим приобретением.

Это были пельмени, такие нарубленные овощи и мясо уток, завернутые в тонкий слой теста. И лапша, то же тесто, только очень тонкое и длинное. Все это готовилось быстро, и было невероятно вкусно. Всего и надо было, что растопить снега в котелке, довести до кипения и бросить это дело туда. А потом, хочешь, ешь вместе с бульоном, как они и делали, замерзшие за день. А можно было выложить куда-то и есть, как обычный гарнир.

А еще минотавры дали им с собой по кувшину вкусного фруктового вина. И все это поздним вечером, под сводом неглубокой пещеры (Хотя теперь все пещеры меньше версты глубиной казались маленькими), под светом костра. Когда снаружи светит звездное небо, толстый бок Хирсу. И все это освещает заснеженные горные вершины. Вот это, поистине красиво. Особенно за душевными разговорами, песнопениями и в одном общем порыве. Это был лучший отдых, чем собраться на охоту или рыбалку ранним летним утром и остаться с ночевкой.

Пронт был просто сметен с поверхности Альконара от увиденного. Пусть это и не живое изображение всей их галактики, что висело в Смотровой дворца Кедопега. Но это было поистине великое творение. Огромная комната, круглая. Даже, пожалуй полусферическая, а по ободу ее стояли стены из шкафов и стеллажей, битком забитых книгами.

Но не это поражало воображение больше всего. А то, что было в центре.

В самой середине комнаты висел небольшой голубой шарик, олицетворявший Альконар. А вокруг него, подвешенные за тонкие нити, висели кучками дощечки с нарисованными на них дырами в пространстве. Художники альков зарисовывали каждую деталь с дотошностью ювелиров. Изобилие синего, зеленого, черного и даже красного и желтого цвета, разбросанного по сфере, радиусом в несколько метров, заставлял голову идти кругом.

– Это все, что мы пока можем достать нашими короткими ручками, – скрипучим голосом поведал Аходонан. – Это миры, что расположены рядом с Альконаром. Этот вот в созвездии Эльтейл. Вон там звездное скопление Кетцалькоатля. Вот там наши соседи Тэанаэт. А вот то, огромное облако из наших зарисовок, Обитель Нуириона. Сеть звездных скоплений, самая большая, что мы видели из наших обсерваторий. Потому так и зовется.

– Поразительно, – только и успел вымолвить Пронт. – Сколько веков вы трудились над этим?

– Не буду врать, – потеревил редкую щетину верховный маг, – С тех самых пор, как расцвел росток Мирового Древа. И тысячи лет до этого. Здесь десятки тысяч табличек, зарисовки с каждой нашей червоточины.

– Даже не верится, – страж Альконара, что прожил уже почти двести лет, шел по комнате, словно маленький ребен-

нок, что впервые увидел храм.

Пронт поворачивал на себя картинку за картинкой, наблюдая то небо различных цветов, то поля с диковинными растениями и деревьями. Были миры, где лесом правили грибы, огромные, как вековой дуб, были и такие, где все еще не было даже травинки, хотя уже была атмосфера. На нескольких рисунках были даже неведомые звери. Хотя чего там, до последних нескольких десятин Пронт даже в существование еще живых стай динозавров, что вот так просто бродят по миру, не мог бы поверить.

А тут была просто кладезь знаний о других мирах. Их были сотни, если не тысячи. И все это даже не вся галактика. А как говорил Кедопег, галактик во вселенной столько же, сколько звезд в одной из них, а то и больше. Сколько же миров во вселенной натворили боги, и сколько творят по сей день?

– А что у вас вот там? – Пронт указал на несколько рукоятей, что напоминали рукояти мечей, только были сложнее, со странной системой, трубками, шестеренками, выглядывающими из щелей.

Они стояли на постаменте в соседней комнате. Пронт увидел их сквозь открытую дверь. И тут же направился туда, чтобы изучить поближе.

– Это тионары, юный страж, – пояснил Аходонан, ничего не пояснив.

– А что это? – Пронт замер над одним из тионаров, раз-

глядывая его во все глаза, но не решаясь потрогать.

– Это мечи. Такие изобрел древний альк, по имени Тионар. Так их и стали звать, мечи Тионара. А после его смерти и вовсе, тионарами.

– Но... Где же лезвия?

– А лезвия, друг мой, сейчас почти никто не сможет увидеть, – в голосе старшего мага послышались горькие нотки. – Магия ушла из этого мира. Ты и сам знаешь это. Она питала эти мечи. Сейчас заряда, что был в камнях силы, недостаточно чтобы они заработали. Даже очень могущественный маг вряд ли сможет орудовать этим мечом.

– А можно взять? – загорелся Пронт. Это было чудо техники, сравни Вратам, через которые в Альконар сто восемьдесят лет назад вторгались демоны.

– Почему нет? Они не работают, пораниться ты не сможешь. Смелее, утоли свое молодое любопытство, – Аходонан улыбнулся, указывая рукой на ближайший к Пронту тионар.

Пронт не думая взял рукоять в руки. Сидела не очень удобно, была великовата. Но, если брать его, как двуручный меч, то почти сносно. Чуть-чуть широковата рукоять. Он обнаружил на ней маленькую впадинку, оттуда торчал давно погасший магический кристалл. Видимо, так оно и работало. Маг прикладывал палец к кристаллу, передавая ему свою силу, а механизм уже выпускал лезвие.

– Если бы он только заработал, ты был бы поражен не меньше, чем комнатой, что разглядывал до этого с вос-

торгом, – посетовал маг. – Жаль только, что даже я не в силах показать тебе его силу. А что там?

– Что? – Пронт проследил за взглядом мага на рукоять, что держал в руке. Из-под его пальца, прислоненного к камню, раздавался слабый красный свет. – Что это значит?

– Это значит, юноша, что вы гораздо могущественнее меня, – добродушно улыбнулся Аходонан. – Ты разбудил камень. Если ты постарайся, то сможешь его включить. Но этому нужно учиться, как и любому другому заклинанию.

– Вы меня научите? – глаза Пронта вновь вспыхнули восторгом, как у впечатлительного ребенка.

– Увы, мой друг, у меня совсем нет времени. Нам нужно искать способ заглянуть дальше. А тионаром долго воспользоваться не сможешь даже ты. Запустить, возможно, но раньше кристалл сиял, словно свеча в темноте. А тут... едва мерцает.

– Очень жаль, – поник Пронт.

– Если это восполнит твое любопытство, ты можешь приходить к нам, когда мы будем изучать миры дальше. Все, что есть у нас это редкие картинки, да и небо еще не закончилось.

– Да, с радостью, – без особой радости ответил Пронт. Но, предложение Аходонана явно давалось не каждому, да и любопытство все равно возьмет верх. А уж оружия он всякого надержался в руках.

– У нас совсем не осталось еды?

– Совсем! – в очередной раз рявкнул Конрад. – За руками своими следить надо, если пить не умеешь!

– А чего я-то?

– Да ничего! Сам сбросил с горы провианта на пятину! Остатки доели еще утром! Смотри в следующий раз, куда кладешь поклажу! Пропась под снегом можно и не заметить! Хорошо хоть сам следом не ухнул!

Пару дней назад, когда отряд Конрада устроил себе праздник живота и... прямо говоря, очередную попойку, этот толмач сложил свою поклажу недалеко от пещеры. Дескать, чтоб от тепла и сырости не испортилось. Вынес наружу, положил около дороги, а под утро там нашли только пропась с обрывками от снега, что и создавал тот самый сугроб, куда этот деятель припрятал провиант.

Почти все съестное, что взяли у минотавров, оказалось разбросано в непонятном ущелье. Когда Конрад пытался заглянуть в пропась, то от головокружения чуть следом не ушел. Никакой веревки бы не хватило, чтоб спуститься.

Не умеют пить, а теперь идут голодом посреди гор. Одна надежда, что козлы на зиму в теплые края не улетают. Но и их не было видно весь день. Даже птиц каких-нибудь. Хоть воробушка, чтоб похлебки сварить. А топать еще не меньше пятинны.

– Если завтра не найдем еды, тебя прикажу сварить! Ты жирный, на пару дней похлебки с тебя хватит!

Языковед побелел, сравнившись со снегом, и сиганул впереди отряда, отыскивая скорейший путь домой и выглядывая козлов. Вот и пусть глазееет, может и увидит чего. Хотя чего уж тут под вечер увидишь-то. Козлов на снегу и днем-то не очень просто увидеть. Белые они, скотинки.

И то ли он везучий оказался, то ли и впрямь поверил, что его пустят на суп, а жить хотелось. В любом случае, среди следующего дневного перехода он нашел целое стадо горных козлов, засевших в пещере.

Точнее сказать, они сами его нашли. Он нарвался на их убежище, когда отстал, чтоб опорожниться на снег. Вот только погадить ему не удалось. Несколько крупных самцов, подталкивая его голозадую тушу рогами, гнали его по дороге, вслед отряду. А тот, в свою очередь, старался сберечь свою задницу и семенил так быстро, как только мог. Поднять штаны у него, явно, не было времени.

Вдоволь отсмеявшись, охранники лениво потянулись за луками, не отрывая взгляда от этого зрелища. Ох, будет чего вспомнить в доме удовольствий за кружечкой эля в объятиях пары продажных девок.

Тетивы звякнули, раздался свист и козлы, что гнали горе-толмача с флангов, попадали наземь с пробитыми лопатками. Ни единого промаха, дружина! Князь лично выделил охрану для такой важной миссии. Даже своих людей не пожалел.

В это время мимо Конрада пробежала вопящая толстая

туша, смешно виляя грязным голым задом. Тут же свистнули тетивы вновь, и козел, последний из пяти, гнавших языковеда, рухнул на землю.

– Чего злые-то такие? – любопытствовал дружинник. – Не иначе, как козлят защищали. Надо бы проверить.

– Сходи, проверь, – кивнул Конрад, голодными глазами глядя на свежие туши, что еще дергались и тяжело дышали. – А мы тут пока лагерь разобьем. Засранец наш хоть все свои дела сделает, да о сугробы потрется.

И это оказалось лучшей их находкой за все время экспедиции. Кроме, конечно, Мапоя. Пять взрослых козлов были забиты сразу. Три козы взяты в привязь. А молодняк, десять козлят, было решено забить вечером, тем более, что по несколько глотков фруктового вина у Конрада и дружинников еще осталось. Все же, служивые, приучены пить по чуть-чуть, чтобы всегда быть наготове стрелять из лука на сто шагов.

Еды теперь хватит сторицей. Можно идти дальше спокойно. Обошлись даже без похлебок. Попросту зажарили мясо по охотничьим обычаям да наелись до отвала. Чтоб впрок хватило до самого вечера. И пусть идти будет тяжело, такая ноша, как мясо в снежных пустынях, ничуть не отягощала.

– Что скажешь, князь? – обратился Конрад к Барлину, когда, через четыре дня престал перед его ясные очи.

Крепкий мужчина, теребил длинную бороду цвета ореха,

уперев свой орлиный нос в грамоту и сведя тонкие брови над переносицей. В гневе ли он был? Совсем нет, голубые, как небо глаза сияли так, словно в каждом по своему Светилу загорелось.

Дочитав, наконец, документ, князь поднял глаза на Конрада. Пройдя рукой по короткой шевелюре волос и глубоко вздохнув, тот довольно ухмыльнулся Конраду.

– Порадовал меня, Конрад. Ох и порадовал! Это ж мы теперь не абы как! А вон как!

– Рад служить, князь-батюшка! – вытянулся по науке Конрад.

– Да брось ты любезничать, – отмахнулся Барлин. – Пойдешь завтра же в Семгир, на пегасе.

– Что? Отец ты наш! Не губи! – запротестовал бывший разведчик. – Дай отдохнуть немного! Только с пути!

– Отставить! – рявкнул князь. – На пегасе кто летал? Ты. До Семгира кто без карты дорогу знает? Ты! Грамоту я кому могу доверить? Тебе одному! Вот и выходит, что ты в Семгир с грамотой пойдешь. Так сказать, вещать им будешь от маво имени. Что теперь мы союзники с Мапоем. Пущай считаются с нами теперь. Тем более, что и у них какой никакой, но союз. Втроем будем держаться.

– Но как же почести? Отпуск за заслуги?

– А плаха тебе не подойдет в награду? – передразнил его Барлин. – Велено тебе, завтра же на рассвете вылетать. Сегодня отдохни, дам тебе пару серебряных. А завтра чтоб уже

ветер уши трепал. Ясно?!

– Слушаюсь... – понуро ответил Конрад. Вот уж чего он не ожидал, так это на следующий же день к эльфам лететь. Он людей полгода не видел. Толмачи не в счет. Простых людей хочется, а не белоручек этих изнеженных. Ни пить, ни гадить не умеют по человечески. Все через одно место, которое в народе развилкой кличут.

Князь и тот вон неуч. Общается, как крестьянин. Зато народ любит. Простой он. Грозный, но простой. Общий язык у него с народом. Крестьяне все в святые его пишут, а он только и делает, что соседям козни строит. Тьфу! Теперь еще и в летные тащиться, пегаса своего готовить. Весь день на смарку.

– И много ли я просил? – спрашивал сам у себя Конрад, трепыхаясь в седле своего пегаса над землями Старгона. – Грамоту хвалебную, чтоб родителей порадовать, денег немного, дома надо крышу перестилать, за зиму прохудилась, да шубу жене купить на следующие зимы. Сынишке гостинцев. Да отдохнуть бы хоть до весны пару десятин. А тут нет тебе, садись на пегаса, лети в Семгир. Никакой жизни.

Крылатый конь под ним сочувственно ржанул. Конрад потербил его за гриву, мол, и не так пропадали. Вернемся зато, дадут отдохнуть вволю. А пока, летим, сколько можем. Да спим, сколько на холоде удастся. Надо через тоннель сре-

зять. Там и заночевать можно будет. А там уж в Неоре или деревне какой по пути заночует.

Едва он сел у входа в тоннель, что некогда был пещерой, как к нему подскочили местные «налоговзиматели». Таких желающих в нынешние времена пруд пруди. Да только вот много их больно. Дюжина почти. А он один.

– За проезд у нас принято платить, – гаркнул один из шайки.

– А не то что? – дерзнул Конрад. Нельзя им выказывать неуверенности, загрызут, как стая крыс.

– А не то сами отнимем, – ответил тот же голос.

– Вот возьми и отними. Что ж ты за людей простых прячешься?

– А вот и возьму, – ухмыльнулся разбойник, перебрасывая поудобнее топор в руках.

Ну, пусть Конрад и не дружинник, но уж копые не для красоты носил. Да щит у него под рукой всегда. Пусть и нехотя, но спрыгнул он с пегаса своего. Да двинулся навстречу к разбойнику.

А остальные уже окружили. Уверенные в предводителе. Орут что-то, улюлюкают. Подначивают. Удар топора Конрад принял на щит и тут же снизу дернул копьём вперед, слыша, как хрустят ребра под наконечником. Даже шуба не спасла. Только хрип раздался. Крики и подначивания сразу же прекратились.

– Можете скопом наброситься, – окликнул окружающих

Конрад. – Всех, понятно, не положу в одиночку. Но с собой заберу многих. Надо оно вам? От князя я, по делу государственной важности. Не хотите всю жизнь в темнице гнить, забирайте вашего заводилу и убирайтесь прочь с этой дороги!

Дважды повторять не пришлось. Он и опомниться не успел, как вместо шайки разбойников и одного трупа, рядом оказались только следы на снегу да кровавая полоса, что в лес уходила.

– Домой вернусь, князю сообщу! – крикнул он им в след. – Чтоб охрану здесь поднял! А то и дружину в лес отправил! Перебьют вас, как мух! Фуф, пойдём в тоннель, – обратился он уже к пегасу, – мороз нестерпимый, итак весь день на ветру под облаками мерзли. Пойдём. Перекусим да отдохнем. А завтра дальше полетим.

Пронт теперь все свободное время проводил за чтением книг альков, что повествовали о других мирах. Книги были полны информации, собранной за тысячу лет. Вся библиотека Кеда под конец уже не имела такого интереса, как пыльные книги, написанные еще на глиняных пластинках, сшитых в подобие книг.

А несколько раз в сезон происходило очередное открытие червоточины. И каждый раз Аходонан и Стеорд выглядели недовольными. Не удивительно, ведь они так и не ушли дальше собственного скопления звезд за то время, что Пронт го-

стит в Рагларе. А гостит он около сезона.

Слишком мало магии в мире. Раньше все это было куда легче. Но при этом никто не может сказать, как усилить результат. Обычно Стеорд после этого подолгу просиживал в своих покоях. В предпоследний раз он не объявлялся три дня. Явился весь растрепанный, истощенный, словно все три дня бился с тираноящерами. Похоже, в этот раз он что-то придумал. Ох, не вышло бы это боком.

– Следующее открытие завтра на закате, – заговорчески шепнул он Пронту. – Есть у меня одна идея, как усилить мощь червоточины и отправить ее дальше.

– Поделитесь? – поинтересовался Пронт, чуя неладное?

– Все завтра, – таинственно улыбнулся старейшина. Интриган проклятый, не перестарался бы.

Но, и на завтра не случилось чуда. Стеорд решил насыпать больше листьев с проросшего посоха Очищения, чем это было установлено правилами. Но, уйти удалось едва ли дальше, чем в прошлые разы. Да и управлять стало сложнее из-за неправильной пропорции. Пронт начал побаиваться, что старейшина, как и верховный маг, что рвал на себе волосы, окончательно впадут в депрессию.

И он ничем не мог им помочь. Он знал, что его силы, в сравнении с силой листьев Перводрева, это ничто. Он даже на полет стрелы не расширит радиус охвата червоточин. Но, вряд ли есть еще что-то более сильное, чем листья дерева, что когда-то делилось своей жизненной и магической силой

со всем Альконаром. А сегодня его едва хватает на поддержание жизни в том виде, в каком она всегда существовала.

Они летели уже четыре дня. Запасы еды были на исходе, а в такую погоду пайка, которого обычно хватало, стало мало. Энергии, чтобы согреться, не хватало катастрофически. Есть приходилось гораздо больше, а еды почти не оставалось. Мешок с фруктами для пегаса давно опустел. Животное еле находило силы, чтобы продолжать махать крыльями.

По вечерам и на отдыхах, которые стали все чаще, пегас обгрызал заледеневшие ветки с деревьев и кустарника. Конрад прекрасно понимал, что толку с сухих деревьев почти никакого. Крылатый конь просто пытался набить живот хоть чем-нибудь. Он пытался дать пегасу кусок вяленого мяса. Последний, но что поделать? Не Конрад, а пегас тащит на себе двоих. Уж сутки проживет без еды, главное, не замерзнуть. Вот только пегас близко не позволил поднести к себе мясо.

А наутро разыгралась буря. Пурга заметала все вокруг, а видимость сократилась настолько, что не видно было даже соседних деревьев, что были на расстоянии броска камня под копытами пегаса.

Полет превратился в сплошное выживание. Бедный крылатый конь мало того, что был слаб, так еще и ветер теперь бросал его из стороны в сторону. А Конрад, что едва дер-

жался одной рукой за узду, потому что второй придерживал спрятанную за пазухой грамоту, был готов вцепиться в гриву пегаса зубами, чтобы его не сбросило с седла порывами ветра.

От снега и ветра кольчуга смерзлась почти что в латы, а одежда внутри даже не пыталась согреть его. Он понял, что еще немного, и он свалится вниз, а ослабший с голоду и холоду пегас не сумеет его поймать. Вот уж не хотелось бы помереть посреди леса, с грамотой за шкиркой. А найдут его только весной, когда сойдет снег. И хвала Кедопегу, если это будут эльфы, а не волки.

Они сели под большим деревом. Разводить костер было бессмысленно, а слабый организм требовал отдыха, и ему было плевать, что он проспал четырнадцать часов прошлой ночью. Конрад и пегас уснули прямо под деревом, вырыв в снегу небольшое углубление, чтобы спастись от ветра. Пегас лег рядом, накрыв своего хозяина крылом. Стало теплее, но вот от голода это совсем не спасало.

А до Семгира осталось буквально пару часов полета. Но придется дожидаться, пока не стихнет пурга. Иначе они либо рухнут от бессилия, либо потеряются в полном отсутствии видимости. Ждать, конечно, тоже рискованно, силы могут иссякнуть до того, как они дотянут до Семгира. Но выбор был небольшим, и, выспавшись, они получали хоть какой-то шанс добраться до города живыми.

Глава 3

Конрада и пегаса нашли через два часа на грани холодной смерти. Дерен, воевода Эрмиллиона, лично повел отряд на поиски в пургу, когда единороги начали неистово ржать, чуя беду. Тем более, что на их ржание послышался ответ. Сквозь пургу, где-то в лесу ржало животное. Галадрад и Дреол тут же, без лишних переговоров и ожидания согласия Дома Собраний, отдали приказ на спасательную операцию. Ржание лошади означало либо единорогов эльфов, либо человеческих коней. В любом случае, это был кто-то из друзей, и он был в беде.

Нашли их быстро. Единороги чувствовали лошадь и шли сами. Примерно через час блуждания в пургу они увидели силуэт крылатого коня, что волочил что-то по земле, держа зубами. Он отрывался от ноши только для того, чтобы жалостливо отправить по воздуху очередное ржание. Сигнал, по которому единороги и нашли его. И волочил он человека. Тот не двигался и совсем не подавал признаков жизни.

Дерен приказал привязать пегаса к единорогам, а человека уложить на запасного и отправить в госпиталь. Даронавпот, как звали его эльфы. До города шли медленнее. Пегас оказался совсем без сил. Его было решено, по прибытию в город, разместить не иначе, как в императорских конюшнях. Животное явно волочило своего седока очень долго, да

и дорогу к городу нашло само. Все же, умнее конеподобных ездовых животных не найти. Так считал и лишний раз убедился в этом старший воевода Эрмиллиона.

У Конрада было сильное переохлаждение и слабость от голода. Едва он пришел в себя, как его напоили питательным варевом из трав, овощей и мяса. Бульон был не самым вкусным питьем в его жизни, но он был жирным, наваристым и уже через несколько минут Конраду стало полегче. Он ощутил, как его организм оживает и восстанавливает силы. Тем более, что напиток был горячим, а согреться ему было крайне необходимо, потому что его лихорадило.

Когда он смог уже самостоятельно сидеть на ворохе из подушек, ему поставили на столик около тряпочной кровати бурдюк с водой и небольшой чугунок с этим варевом. Затем ему обеспечили покой на целые сутки. Врачи заходили лишь изредка, чтобы убедиться, что у человека есть запас воды, и что чугунок с бульоном все еще достаточно согрет.

На следующий день ему дали позавтракать уже злочной кашей, сваренной на молоке и услащенной кусочками сушеных ягод. Силы возвращались к нему стремительно, тем более, что отдых эльфийские врачи умели организовывать. Помимо воды он пил теперь отвары из целебных трав, что сбивали с него температуру.

Он знал лишь, что он в госпитале Семгира. Врачи объяснили ему, что он едва не замерз в лесу, но его пегас при-

волок его к городу, где его нашел отряд телохранителей императора во главе с верховным воеводой. Больше ему ничего не говорили и запретили много разговаривать самому.

В обед он поел сытной похлебки с эльфийскими лепешками. Они всегда нравились Конраду. Они пеклись на углях, отчего имели аромат костра и некую пряность во вкусе. А так же аппетитно хрустели прожаренной корочкой. Он уже позволял себе вставать и пройтись по палате, пока врачи не видят.

Примерно в это же время он услышал в коридоре какую-то возню и поспешил лечь обратно на кушетку. Из-за дверей раздавался спор. По голосу он узнал своих лекарей, они спорили с кем-то на эльфийском. Он мало знал этот язык, но смог из знакомых слов понять, что к нему посетители, а врачи пока запрещают его беспокоить. Но, против императорских телохранителей сопротивление бесполезно. Дверь отворилась, и к нему вошел тяжеловооруженный солдат в тяжелом кольчужном доспехе.

– Как ты себя чувствуешь? – без представления и формальностей спросил эльф.

– Уже лучше, – ответил Конрад. – Думаю, стоит поблагодарить вас за мое спасение?

– Поблагодаришь своего пегаса. Это он тебя приволок почти к самым воротам города.

– Что ж, – решил сменить тему. – Могу я узнать ваше имя и дело, с которым вы пришли?

– Дерен, воевода императора Галадрада, предводитель войска Эрмиллиона и старший телохранитель императора, – отчитался эльф, сняв шлем.

Это был эльф светло-зеленого цвета кожи, с древесным цветом волос, сросшимися бровями, острым носом и пухлыми губами, кончики которых слегка уходили книзу, отчего он казался грустным гномиком без бороды. Сложен он был достаточно хило для своих доспехов, да и выглядел весьма молодо для своего звания. Хотя, понятия возраста и телосложения у эльфов сильно рознились с людскими.

– Я Конрад Старгонский, гонец от Старгонского князя, разведчик Старгонского княжества. – Прибыл в Семгир, к Его Императорскому Величеству Галадраду со срочным донесением от князя Барлина.

– В таком случае я распоряжусь об особых условиях содержания, – вставил Дерен, оглянувшись на общую палату, куда свозили как калек, так и больных с обморожениями. – Вы можете доверить мне донесение от вашего князя. Я уполномочен передать его лично императору.

– Хорошо, благодарю вас, – склонил голову Конрад, насколько это позволяло его полулежачее положение. – В моих личных вещах хранится грамота от Императора Мапоя о заключении союза между Мапоем и Хотией в лице Барлина. Его и нужно доставить Его Императорскому Величеству для решения общей политической обстановки.

– Послание будет передано, Конрад Хотский, скорейше-

го вам выздоровления, – Дерен подался уже к выходу, когда Конрад окликнул его.

– А как там мой пегас?

– Ваш питомец в полном порядке. Он был слаб и голоден, когда мы нашли вас. Сейчас он в императорских конюшнях. За ним ухаживают так же, как за личными единорогами императора наши друиды, кормят отборными кормами. Думаю, если у вас нет серьезных заболеваний из-за переохлаждения, вас скоро выпишут. Тогда вас вызовут к Его Императорскому Величеству, и там мы продолжим обсуждение вашего вопроса.

– Спасибо, – вновь кивнул Конрад, позволяя в этот раз воеводе Эрмиллиона покинуть общую палату, где лежал сам.

Его, как и говорил Дерен, перевели в отдельную палату. Где он был один. Уход был все так же на высоком уровне. Кормили его достойно, он даже начал поправляться, не заметно, но чувствовал он себя прекрасно. Потому, уже через пятину его выписали из госпиталя, и он отправился к дворцу, чтобы выяснить, куда ему деться теперь.

Там ему повелели найти себе жилье в резиденции дипломатов. Стоит дороговато, но там и условия получше, чем в какой-нибудь таверне. Даже лучше, чем в соборах и монастырях, где его вряд ли приняли бы, поскольку он другой веры. Со смертью Кедопега шаткий союз между религиями рухнул. А благодаря Союзу, который навязывал свою рели-

гию, пусть и ту же, что у людей, силой, служители Эрмиллиона стали неприязненно относиться к чужакам.

Уже с наступлением второй весенней десятины, началась плотная работа над созданием новых политических грамот, которые следует доставить в Старгон и Мапой. Конрад едва не начал вслух молиться могуществу Кедопеда, чтобы отравили кого угодно, только не его. Он устал от этих похождений, как никогда прежде. Покоя он хочет. Хоть несколько десятин провести дома, с семьей. Покушать домашней еды, покататься с сыном на лошадях или полетать на пегасе. Да что угодно делать, только бы дома, а не на треклятой службе.

После всего, что произошло, и отчасти по причине организованной военной деятельности гноллов, эльфы внесли на рассмотрение вопрос о тройственном военном союзе. Этот союз требовал от всех участников незамедлительной помощи в случае войны. А если гноллы возьмут южные границы Гирмо, ничего не помешает им однажды напасть на Эрмиллион.

Конрад не был политиком, он был всадником на пегасе, которому поручено было быть посредником во всех политических переговорах. Потому, уже через несколько дней он вновь снарядил пегаса, неся за пазухой уже две грамоты: старую, о заключенном союзе между людьми и минотаврами; и новую, прошение Эрмиллиона на заключение военного союза сроком на десять лет, с возможностью продления.

Никто не будет держать город в осаде дольше, чем хватает его терпения, когда у него есть осадная техника. Онагры и стрелометы были у Беордвала в запасе. Сегодня они окружали Литше. Огромный город болотников, старый и ценный. Его позиция на южном полуострове давала возможность гноллам беспрепятственно ходить судами в море Риз. Стоит им взять город, как они получают прямую связь с северным материком.

А вот чего не было у Беордвала, так это терпения. Он жаждал начала военных действий. Единственное, что сейчас сдерживало его это то, что еще не все гноллы заняли свои места, окружив город непроходимым кольцом.

Город итак слишком долго в осаде. Первые корабли высадили гноллов едва ли не в конце зимы. Тогда они и осадили город, дожидаясь прибытия остального войска и самого Беордвала. А сегодня, на пятьдесят пятый день весны, гноллы, под командованием бьерна ворвутся за стены города и установят свою власть в болотистых землях рептилидов.

Медвежий рев сотряс ночную степь. Это был сигнал Беордвала о начале атаки. Фаларики, полыхающие огнем заряды, друг за другом срывались с чаш онагров и летели навстречу каменным стенам города. При каждом ударе создавался взрыв большой ударной мощи, что сотрясал стены, постепенно выбивая из них куски камня. Медленно, но верно стены падут под непрерывным обстрелом онагров и стрелометов, сея попутно панику в душах защитников и пожары

в городе, в случае перелета за стену.

Взрывы и удары грохотали всю ночь. Лишь под утро рептилиды, наконец, собрали свои силы и выставили на стены защитников. Начался ответный обстрел. Из башен стреляли катапульты, стараясь подбить онагры и стрелометы гноллов. А со стен сыпались горящие стрелы, веером рассыпаясь по многочисленному войску Беордваля. Войска пришлось отводить назад, жертвуя онаграми, на которых тут же сосредоточился весь огонь.

Это длилось до самого рассвета. Онагры один за другим выходили из строя, либо от перегрузок лопались канаты, приводящие в движения чашу, либо катапульты Бнотзеха все же попадали в цель.

Беордваль начал опасаться, что одними стрелометами стены не взять. Но те были достаточно расшатаны за ночь и, когда Вкипасе наполовину вылезло из-за горизонта, в стене образовалась достаточная брешь, чтобы в нее лавиной ворвались гноллы.

Всадники вошли первыми, налетев на защитников, что уже собрались под брешью в стене, готовые пасть, защищая город. Эти глупцы боялись. Но их страха было мало, чтобы они поняли, что защищать город горсткой солдат и сворой крестьян бесполезно. За конницей с неба начали падать летающие бойцы. И между всей этой давкой, едва находя узкие проходы сквозь стену из всадников, бежали копейщики гноллов.

Элемент неожиданности сыграл отличную службу гноллам. Если бы рептилиды заранее знали, что они идут, то к приходу Беордваля гноллов бы постепенно разбили защитники. Теперь же стоит прочно осесть в городе. Но пока рано говорить об этом. Негоже считать сколько ремней получится с ящерицы, пока не снимешь с нее всю шкуру.

Войска теснили рептилий. Уже к полудню битва переползла на центральную площадь, где остатки защитников неистово старались защитить здание городского совета. Горстка воинов пыталась удержать огромную армию гноллов. Глупо? Конечно, глупо, но это же ящерицы. Гноллы всегда считали их отсталыми и глупыми.

И теперь, когда под дождем из стрел и градом ударов, пали последние защитники, когда площадь покрылась лужами красной и белесой крови вперемешку, Беордваль взревел вновь. Низкий медвежий рев поставил точку в этой битве.

Литше взят, теперь войскам было необходимо, хотя чего там, они сами этого жаждали, пойти и отобрать у рептилий все, что у них было, диктуя каждому из выживших свои порядки. Порабощая их и, если придется, изничтожая любое сопротивление.

А Беордваль распорядится о разведке на север, чтобы подготовить тактику на следующую битву. Скорее всего, придется либо подготовить больше осадной техники, либо строить ее уже на месте. Все зависит от того, как сильно защищен следующий город, что находился немного западнее, но дер-

жал границы с Тиризом и Эрмиллионом.

Это была настоящая твердыня! Разведка доложила, что замок защищают два ряда стен. Но народу там немного. Из воинов едва тысяча, да пять-шесть тысяч крестьян. Пусть он и укреплен достойно, но все же, горсть народу такую машину не защитит. Тем более, что Беордваль давно уже приказал собирать осадную технику, которую используют рыцари для осады больших замков – Требушеты.

Большие тяжелые машины кидали стокилограммовые валуны почти на пол версты вперед, абсолютно недостижимые для вражеских стрел. Один такой за несколько выстрелов проделает большую брешь в крепкой стене замка. А у Беордвалья их было два с половиной десятка. А еще триста двадцать стрелометов, чтобы прикрывать их на время обстрела.

Войско взяло город в полукольцо, обложив с трех сторон. Осада длилась всего ничего, четыре дня. И этим утром, под конец шестого летнего десятка Беордваль дал команду в атаку.

Шеи требушетов, описав широкие полукруги, пустили камни на вражеские стены. Один из них угодил в решетчатые ворота, обратив те в обломки покоренного металла. Но брать город на подступ Беордваль не спешил. Он приказал смять башни вокруг врат, чтобы снизить смертность своих гноллов. Тем более, что со стен посыпались арбалетные болты, доставая достаточно далеко. Но, пока что потери бы-

ли только в сопровождающих отрядах осадных орудий.

Бьерн-полководец отправил к стенам воинов на крылатых пантерах. Те осыпали арбалетчиков стрелами, мешая сосредоточить атаку на obsługу осадных орудий. Арбалетчики на стенах и в башнях начали отстреливаться в ответ. Требушетам гноллов угрожали только стрелометы в башнях, что стреляли горящими дротиками, норовя пожечь все осадные орудия Днапотиза.

Вкипесе стремительно двигалось к зениту. Несколько требушетов было потеряно, у остальных закончились снаряды, на стены были направлены только баллисты, посылая их дротиками, что почти не наносили повреждений. Пришла пора заходить.

Пехота и лучники сорвались с мест. Замыкало это войско несколько отрядов пехоты, что несли с собой лестницы. Они должны будут пойти первыми на внутренние стены, дав дорогу остальному войску. В воротах уже стояли ополченцы из замка. Обычные крестьяне, у которых не было возможностей, кроме как пасть, защищая родную крепость.

Копейщики, ворвались в узкие ворота и начали сражения с крестьянами. Лучники сыпали стрелами навесом через ворота, осылая защитников дождем из стрел. Это длилось не один час. Да, копейщики были гораздо лучше вооружены и обучены, но крестьян попросту было много. Чтобы перебить большинство и повергнуть их в бегство потребовалось много времени. Только под вечер войска прорвались в город,

окончательно захватив ворота.

Это дало сигнал верблюжьему войску вступать в бой. Они тронулись с места, и в их арьергарде шел сам Беордваль со своим отрядом тяжеловооруженных гвардейцев. Они прошли сквозь отряды пехоты, преследующие крестьян и арбалетчиков до самых внутренних ворот. Защитники спешили забежать за внутренние укрепления, чтобы иметь время отдохнуть, пока со стен ведется огонь по нападающим, а на стенах сражаются рыцари.

Только вот закрыть ворота они не успели. Всадники Днапотиза волной захлестнули площадь вокруг ворот изнутри, а пехота уже ворвалась в башни, где взяла полный контроль над воротами, пропуская свои войска внутрь, на площадь, где сгрудились остатки защитников Ишлы.

Плотным потоком всадники гноллов врываются во внутренние укрепления, заполняя собой всю площадь перед дворцом. Они сметают легкие пешие отряды, прорываясь до рыцарей, что защищали подступы к дворцу. А уже тех пришлось давить едва ли не до самой ночи. Но, куда паре сотен рыцарей против огромного войска гноллов. Пусть и за полночь, но гноллы пробились во дворец и вырезали все, что могло держать в руках оружие.

Крепость была взята, это был хороший опорный пункт. Теперь рептилиды были отрезаны от южных границ с Тиризом. А на севере они граничат с Эрмиллионом. А уж от эльфов им помощи не дожидаться никогда. Следующим ходом

будет взятие столицы южного королевства Днапотиза.

Но, не стоит торопиться. Сперва нужно отправить отчет Хеределю и дать войскам хорошенько отдохнуть. Сегодня они будут грабить и убивать. Завтра и пару следующих дней праздновать победу. А уж потом можно будет готовить их к выходу на главную битву этого года.

Наконец-то, настал отдых. Барлин дал ему целых две десятины на то, чтобы привести домашние дела в порядок. Поправить крышу, купить жене шубу, позаниматься с сыном чем-нибудь полезным, съездить с ним на охоту. Полгода он ждал этой возможности.

Но сначала ему пришлось поучаствовать в налаживании военного союза с Эрмиллионем, покатавшись туда-обратно, затем поехать с грамотой в Мапой, к Джераме, затем обратно. Теперь Хотяя, Эрмиллион и Мапой обязывались защищать друг друга в случае нападения на одну из сторон. Исключением мог быть случай, когда на другую страну так же напал неприятель. Но откуда ждать беде Мапою? От фурий или фей, которые полностью зависят от подземных шахтеров и рудокопов? Упаси Кедопег.

Эрмиллион и Хотяя опасались нападения Тириза. Но орки были слишком заняты собственными сварами и разборками о том, кто должен править всей землей Тириза. Собственно, в Хотии творилась та же беда, но теперь, когда Барлин заручился поддержкой эльфов и Мапоя, влияние Стар-

гонского княжества резко возросло.

Барлин уже разослал дипломатов в другие княжества, призывая собрать совет князей, как это делается в государствах Союза. В случае успеха, он начнет выдвигать другие идеи, которые будут поддерживаться эльфами и минотаврами.

Это позволит ему однажды встать во главе Хота и править всей Хотией. Всего-то нужно подмять под себя неорское, троганское, кокорское и хотское княжество. Ключевые города Хотии. Вопрос лишь в том, сколько времени это все займет? Но, не будем загадывать наперед, объединение Хотии вопрос важный, но не все сразу. Стоит запастись терпением.

Как это негласно принято во всех землях Альконара, войско выдвигается в поход с первыми лучами Вкипасе. Знаменная начало похода в новый день, или давая точную дату начала войны, если таковая началась неожиданно.

Так и Беордваль не любил нарушать традиции, потому на сорок первый день осени он сделал пометку в своем походном дневнике о начале похода на столицу Южного Бнотэха, намереваясь дать хорошую затрещину Сисдиасу.

Такие дневники были у многих полководцев. Беордваль записывал туда основные даты походов, количество войск, которое имел в обороте, особые моменты в походе, вроде болезней, отравлений и чего-либо еще. После каждой битвы,

помимо дат и наименований, туда записывались силы защиты по примерным подсчетам, потери обеих сторон, кто отличился и кто облажался. В общем, для воеводы, что постоянно живет отчетами своему сюзерену, это крайне незаменимый в походе предмет.

Первые несколько дней погода была пасмурной, но было прохладно, идеальная погода для огромной колонны воинов, что шли по чужим землям, не снимая доспехов даже на ночлег. Вкипасае из-за туч не могло раскалить доспехи, превращая обычный железный шлем в металлическую печь для мозга. Но и не было холодно, чтобы доспехи промораживали тело гноллов даже сквозь кожаные подкладки.

Идеальное время для движения. Но и это не уберегло его воинов от неразберихи. На четвертый день они затеяли бунтовать. Какова была причина? Причина была одна, спать с рептилиями им было омерзительно, а гнолл никто не видел уже почти год. Естественно, все были на взводе и на нервах. Еще немного и они будут готовы иметь не только ящериц, но и, упаси Кедопег, друг друга.

И вся эта несдержанная энергия переливается в то, что после ужина в стане Днапотиза развязался неслабый такой мордобой. Стенка шла на стенку, выкрикивая оскорбления и ругательства. Хорошо, хоть оружие никто не взял, но ведь в пылу драки могут и вынуть!

Беордвалю и всем тем, кто был далеко от эпицентра вспышки, пришлось утихомиривать разгорячившихся гие-

ноголовых, едва не ломая им ребра щитами, которыми разгоняли их из общей кучи.

После этого Беордвалю пришлось почти целый час орать на весь лагерь, как важно для Днапотиза проявлять цивилизованность и выдержку светского государства. А агрессию и оскорбления пусть приберегут для рептилидов, что снуют по этим землям, что теперь уже принадлежат Им!

Беордвалю пришлось пообещать им, что очень скоро поход закончится, тогда они смогут продать свои дома в старых землях и переехать вместе с семьями на эти. А Беордваль же, как он рассчитывал, получит эти земли в надел. Будет собирать налоги с Фирокинао и местных деревень. Жить в Литше, и править оттуда, прислушиваясь только к церкви Кедопега, что ходит под богом и Хеределея. И больше никто не сможет вставить палки ему в колеса.

Вот тогда они все заживут так, как никогда не жили. Будут грабить приграничные земли болотников по праву сильного. Если у кого-то из гиеноголовых разыграет греховный уд, то пускай себе в полон девок из ящериц набирают. В общем, тогда они будут делать то, что хотят. А пока нужно потерпеть.

Следующие несколько дней они блуждали одновременно по дороге и вне ее. Трясины и лужи уже заползли даже на мощеный тракт. Отчего камни на мостовой под весом гноллов в доспехах, а тем более, под весом всадников, проминались в мяшу. Все вымазались по самые колени и бороздили грязь. Еще и буря разыгралась, бросая брызги и комья

грязи в воинов.

Неудивительно, что только рептилии могли благополучно жить в Гирмо. Этот континет не подходил больше ни для кого. Но, ничего не поделать. Для гноллов, что уже очень давно положили глаз на северные земли, чтобы быть рядом с Эр-миллионом. Это позволит им участвовать в войнах и урвать себе кусочек богатых лесом земель.

Из пальм дома не построить. А жить в каменных жилищах было не всегда комфортно. Богатеи закупали себе лес с севера. А зачем покупать, если можно отнять в честном бою? Так всегда поступают достойные воины. А Хередель с Беордвалем считали себя именно такими.

Пройдя примерно половину пути, войско набрело на заставу Бнотзэха. Лучники, что шли сразу за пехотой, даже не дали впереди идущим вынуть копья. Стрелы с подожженными паклями лавиной обрушились на аванпост, буквально за минуты превратив его в огненную ловушку для всех тех, кто пытался спрятаться от стрел в укрытии. Те, кого настигли стрелы, глядя со стороны, повезло куда больше.

Все это время войска изнывали от жары и непогоды. Последнее осеннее тепло решило отыгаться на войске, что шло в болотистой степи. Настроение гноллов достигало пика. Стоило поторапливаться, еще немного и они сами себя перебить будут готовы.

И это случилось. В последние десять дней пути воинов свалила болезнь. До Фирокинао оставалось всего ничего. Во-

да, виновата была вода из речки, что, как оказалось, брала начало с гниющего озера. Альк знает, какая зараза успела там нагнить. Но Беордваль увидел, как часть его армии начинает походить на живых мертвецов, что едва волочат ноги.

Эта же пакость выкосила добрую треть волов, упряженных в повозки с провиантом и походными инструментами. Приходилось делать переходы гораздо короче, а отдых, наоборот, делать дольше.

Почти пять дней после этого озера отравленные гноллы приходили в себя. Но последние четыре дня пути прошли уже в нормальном темпе. С неба пошел первый снежок. Хотя погода и не была особо холодной.

И вдруг, издали взметнулись горящие валуны и полетели в колонну гноллов.

– К оружию!!! – Взревел Беордваль, стараясь перекричать свист летящих снарядов из требушетов и стрелометов.

Гноллы в растерянности начали формировать какой-никакой строй. Всадники уже сорвались вперед, чтобы отбросить врагов и дать пехоте время наладить порядок.

Беордваль ворвался в ряды рептилидов едва ли не последним. Но даже из-за спин своих воинов он видел, что кругом одна пехота. Ее успешно оттеснили на несколько шагов. Затем на половину полета стрелы. Затем и вовсе отряд за отрядом их повергли в бегство. Все же, отсутствие наездников на горгонах. Не могли же ящерицы не взять с собой всадников. Он глянулся назад.

Вот где были всадники. Они зажимали пехоту Днапотиза с двух сторон. Те построились в большой круг, ошетилившись своими короткими копьями и с трудом сдерживали натиск врага.

Беордваль попытался развернуть конницу им на помощь, но из-за спин пехоты вылетело рыцарское войско Бнотзэха. Разорвать своих всадников он тоже не мог. Рыцарей было немало. А арбалетчики и всадники болот продолжали давить на пехоту и стрелков гноллов.

Его армия стремительно таяла, хоть и принося равные потери рыцарям Бнотзэха. В один момент он заметил, как отделяются от войска всадники гноллов, в панике покидая поле боя крошечными кучками. И это не были отдельные всадники. Это отрядные воеводы отзывали из боя горстки воинов, что у них оставались. Обычно это были группы по десять-двадцать человек.

Беордваль понял, что действительно пора уходить. Пусть они и выгнали с поля боя основную армию болотников, рыцари их уверенно давили, не давая даже отойти на переорганизацию отрядов.

Сам бьерн сражался в неравной схватке сразу против троих рыцарей на василисках. Его химера металась из стороны в сторону, стараясь укунить василисков львиной мордой или хотя бы ужалить головой змеи, что была на хвосте. Но даже он, бьерн, который сметет пятерых гноллов не мог сражаться с несколькими рыцарями вслепую. Стоит ему неудачно ско-

сить глаза, как василиски парализуют его тело.

Копье болотника все же воткнулось ему под лопатку, едва не угодив в сердце. Он приказал войску отступать. Сражаться дальше было смертельно опасно. Лучше укрепиться в городе. Слишком рискованно продолжать бой, хоть и равный. Шансы у них с болотниками были почти наравне... В начале. Но теперь, когда осталась одна горсть пехоты и стрелков, да еще пара тысяч летчиков. Битва превратилась в выживание.

Остатки сил он собрал на то, чтобы дунуть в рог, трубя отступление. Он трубил до тех пор, пока его отряд пробежал мимо пехоты. Его услышали. Пехота начала постепенно отходить назад, пока полностью не обратилась в бегство.

Болотники какое-то время следовали за ними, но потом, видимо, тоже измотались и решили бросить это дело. Осадные орудия гноллы бросили на поле боя, вместе с провиантом и походными пекарнями.

Дай-то Кедопег, чтобы они не передохли с голоду, пока отходят к Литше. Именно туда Беордваль решил направить войско. Стены Ишлы, конечно, лучше помогут им пережить осаду и бой, но город связывал их с портом. А туда был шанс позвать подмогу из Днапотиза.

Они не передохли, но пришлось жертвовать верблюдами. По сотне за раз. Благо, всадников осталось уйма. Всю дорогу они пили верблюжье молоко с гнилыми болотными водами и ели одно лишь верблюжье мясо.

Но они выжили. Они пришли в Литше. И теперь настал черед засылать гонца в Одтанг. Он должен как можно скорее передать письмо Хеределю, чтобы тот высылал им на помощь рыцарское войско. Беордваль требовал это войско. В конце концов, он был воеводой Днапотиза. И рыцари были в его власти. Пусть даже не надеется, что защита земель от орков, что уже давно прекратили набеги на них, став относительно цивилизованным государством, важнее, чем спасение регулярной армии Днапотиза.

А весь этот поход превратился теперь именно в спасение. Болотники слишком резко и неожиданно собрались с силами и дали им отпор. До Фирокинао оставалось еще полторы десятины пути. Беордваль и представить себе не мог, что именно там болотники устроят им засаду.

Гонец отправился сразу же, как только войско закрыло северные ворота в город. Тугкан спешил, как только мог. Каждый, кто видел происходящее, понимал, что гноллы едва ли смогут долго продержаться в городе.

Он сел на корабль прямо с воздуха. Его крылатая пантера подняла большой шум на корабле, приводя в движение сонных матросов. Весь флот все еще стоял в заливе, к востоку от порта. Защищали порт от возможной осады флотом болотников. Потому, Тугкан выбрал один из самых дальних, что был направлен носом на юг.

«Призрачный» тут же сняли с якоря и пустили парус. Чуть больше пятины туда, и столько же обратно. Может быть днем

быстрее, если будет попутный ветер.

Все было бы неплохо, но ветер, что поднялся на второй день плавания, перерос в сильный ураган уже к третьему. Призрачного метало по воде, как перо. Парус был снят, но это не мешало волнам играть с большим, тяжелым судном, как с обычной куклой. Все, что оставалось делать на корабле, это пасть на колени и молиться, пока волны вырывали из корабля доски. Послание к Хеределю рисковало пропасть в морской пучине вместе со всей командой моряков.

То ли их молитвы были услышаны, то ли вмешалась другая неведомая сила, но, когда от корабля едва не остался действительно «призрачный» остов, буря начала стихать. Моряки тут же посрывались в трюм, заделывать бреши, в которые вымывало целые бочки с провиантом.

Вода доставала уже до груди. Если не успеть закрыть щели и откачать воду из трюма, корабль пойдет на дно. Работать приходилось всем. Доски, пустые бочки, мешки, лишняя парусина. Все шло в дело, чтобы была возможность закрыть течи. Это отняло почти половину дня.

Но буря лишь ослабла. Она не собиралась совсем прекратиться. Корабль приходилось днем и ночью латать, смолить щели, забивать их паклями. Разбившись на две смены матросы работали по ремонту и выливали воду в окошки, чтобы только удерживать это дырявое корыто на плаву. А ведь кому-то в это время еще приходилось править беснующимся

на волнах кораблем.

На четвертый день у них появился перерыв и все, кто еще мог стоять на ногах, продолжали до последнего сдерживать напор воды в трюме. Остальные падали прямо на местах, без сил больше держаться.

Корабль, казалось, спасен, но на пятый день ветер нагнал их, запустив все по новому кругу. Лишь на шестой день стихла буря, позволив немного ослабить темп откачки воды. Пробоины, в кой-то веки, стабилизировались и теперь давали лишь медленные течи. Корабль более или менее уверенно шел по воде.

Но на этом беды судна не закончились. Завидев их дырявое деревянное ведро издали, пираты почуяли легкую наживу. Их корабль стремительно нагонял их, даже не готовя орудия к бою.

Пираты уже хорошо просматривались. Это были гноллы. Нашли время, когда стоит атаковать своих же. Эти негноллы потрясали оружием, уже видя, как перережут половину отряда, остальных отправят на торги рабами или рекрутируют к себе в команду. А уж какая жажда наживы горела в их глазах.

Стрелометы на Призрачном уже были повернуты в сторону пиратов и беспорядочно посылали в тех горящие дротики, стараясь прожечь хотя бы парус, чтобы сбросить ход. Но все тщетно. Пиратские стрелометы метнули гарпуны. Несколько уцепилось за борта.

Корабли начали стягиваться друг к другу, уже перебрасывались кошки, и пираты вручную тянули веревки на себя. Матросы вышли на палубу, готовые стоять до последнего. Они держали наготове мечи и копья, укрывшись за щитами.

Борта столкнулись, моряки ощутили, как палуба уходит из-под ног. Но опыт заставил их удержаться. Изнуренные и измотанные предыдущей бурей они едва держались на ногах. Но они очень хотели жить.

Потому, едва трап пиратов ударился об их палубу, они с гиеным гиканьем ринулись на ту сторону. Они сражались остервенело. Уставшие они противостояли почти втрое большей команде пиратов. А у руля капитан сражался сразу с двумя гноллами, что теснили его к борту.

Чудом он извернулся и подтолкнул капитана пиратов за борт. Разбойники, что видели это, побросали мечи тут же. Остальные продолжали сражаться. Но постепенно и до них доходило, что они остались без предводителя. Один за другим они бросали оружие на палубу, туда же падая на колени. Корабль был взят. Недолго думая, капитан согнал всех пиратов на полуразвалившийся хольк. А сами остались на пиратском корабле, что был гораздо вместительнее.

Остатки провианта с холька перенесли на новоприобретенное судно. Бросив команду пиратов без провианта и с очень малыми шансами на выживание. Сами так решили. По пиратским законам все прошло так, как должно было. Победитель забирает корабль и все награбленное. И его

мало волнует, как будет выживать в дальнейшем проигравший. Ступив на этот путь они были готовы к такому. Пусть теперь выкручиваются. Может хоть поумнеют и начнут нормальную жизнь.

Правда, им и самим осталось провианта едва на день пути. А до порта еще не меньше суток хода по воде. Но теперь хотя бы отдохнут.

Пиратское судно оказалось более сильным, крепким и надежным, чем полуразвалившийся хольк. Они добрались до порта, растягивая провизию, насколько это возможно. Там их сперва едва не расстреляли из башен, все же шли на пиратском корабле. Но потом все же разглядели флаг Днапотиза и открыли причал. Хвала Кедопегу. Только благодаря ему у войска Днапотиза, что оставался на чужбине, появился шанс выжить.

Тугкан сорвался на своей пантере в воздух, едва с корабля были брошены швартовы. Времени было слишком мало. Каждый час может быть на счету. Если он обернется туда-обратно, то будет в Литше до того, как рептилиды дойдут до города и возьмут его в осаду.

Здание городского совета образовалось моментально, благодаря стремительности его пантеры. Тугкан сел на площади и побежал к воротам, размахивая свитком с печатью Беордваля. Это сработало, как негласный пропуск, стража расступалась перед ним, а ворота и двери открывались зара-

нее, словно впереди него шла волна силы.

Навстречу Тугкану из приемного зала высыпался народ. Гноллы и бьерны всех мастей расступались перед ним, словно он был важнее чуть ли не самого Хеределя. А тот уже в нетерпении ерзал на троне, едва не потирая руки в предвкушении хороших новостей о взятии Фирокинао. Знал бы он, какое его ждет разочарование.

– Ну что там? – встрепенулся Хередель, едва двери в зал закрылись за спиной Тугкана. – Говори, не томи!

Обвислые уши Хеределя сейчас топорщились, как две треугольные кружки, что ловили каждый звук.

– Войско Беордваля потерпело поражение в битве под землями Фирокинао.

– Что?! – Хередель вскочил с трона, на его пасти непроизвольно образовался оскал, такой, что у Тугкана на долю секунды поджался хвост. Но он-то был не виновен. – Как это произошло?!

– Бнотзэх вышел ответным походом и устроил засаду на наше войско под Фирокинао. Их было значительно больше и они привели рыцарское войско. Они напали неожиданно на идущую колонну. Они застали нас врасплох.

– Прекрати! – едва не заскулил Хередель. – Хватит! Зачем ты приехал вообще?

– Беордваль просит подмоги. Срочно.

– Нет у меня сейчас людей! – Хередель в беспомощности упал на трон. – Совсем нет. Не готовы мы были к тому, что

Бнотзэх так быстро соберется с силами.

– Беордваль требует своих рыцарей, и всех рыцарей Днапотиза для захвата их городов.

– Вот этого я сделать не могу. Мне нужны люди. И требовать он не имеет права. Не в его полномочиях требовать у короля, – уж чего-чего, а гнева от Хеределя было тяжело добиться. Он вообще был любителем обижаться и печалиться. Хотя, за это, возможно, его уважали. Его не боялись, как правителей Тириза или Бнотзэха. Он всегда старался быть любимым и уважаемым, отчего нередко шел навстречу даже простым гноллам.

– Это необходимо сделать. Потому что сейчас рептилиды идут войском на Литше, где укрепились гноллы Беордвала. Если не поспешить сейчас, их могут разбить на голову и при-
дать военному суду.

– Но что мне остается? Остаться самому без защиты? С севера и востока к моим землям примыкают орки, а с юга Южный Днапотиз. Ослабь я сейчас позиции, как Днапотиз объединится под флагами Дайсната. А меня отправят в темницы до конца моих дней. И тогда Беордваль не придет меня спасать, а припадет на верность новому королю, потому что тот подомнет под себя весь Днапотиз.

– В противном случае Беордваль не вернется домой уже никогда, – хмуро закончил доклад Тугкан. – Могу я вернуться к службе?

– Да, ступай, – Хередель сидел на троне, накрыв лоб ла-

пой. – Я созову Совет. Как только мы найдем решение, я вызову тебя и ты отправишься к Беордвалю с донесением.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Двери за ним в очередной раз захлопнулись, но ненадолго. Поток гноллов и бьернов вновь устремился к дверям зала. В спину Тугкана донеслось негромкое: «Я больше никого не принимаю сегодня, отправьте гонцов в города, мне нужно созвать Совет!». После этого поток разбился, как вода о прибрежные скалы и откатился назад, разбредаясь по своим делам.

Почти две десятины! Столько потребовалось времени, чтобы собрать Совет и устроить многодневные дебаты, которые не привели ни к чему серьезному. Теперь Хередель просил год. Целый год! Чтобы созвать новую армию и отправить ее в Литше.

Тугкан уже представлял «Радость» Беордвала после того, как он услышит эти новости. Но ничего не поделать. Он вернулся на «Грабителя», пиратское судно, что захватил под свое командование Гибудел, бывший капитан «Призрачного», что совершил поистине призрачный поступок. Растворился в небытие. И поделом. Пиратство всегда приводило лишь к казни.

Команду пересобрали, пополнив ряды из скучающих в портовой таверне моряков. Ког, с двадцатью воинами отправился в путь на восемнадцатый день зимы, благо, в тро-

пических морях Днапотиза это не играло такой разницы, как например в заливе, который сейчас удерживал флот Днапотиза. Далеко на севере. Через несколько дней Тугкан прибудет туда и расскажет Беордвалю, что помощи дожидаться придется слишком долго. Не вернуться бы на Литше, что уже держат рептилиды. Тогда Беордвала он увидит в лучшем случае распятым на городских воротах.

Как назло, Тугкана свалила тяжелая болезнь. Он едва мог ходить в корабельную столовую, что располагалась в трюме. Каждая ступенька отзывалась у него слабостью и головокружением. По-видимому так себя чувствуют старики, когда все кости ломит от того, что организм пытается сопротивляться болезни, тратя на это очень много сил. И даже морской воздух не помогал ему справиться с этой тяжбой.

На третий день они снова попали в ураган. Но, к большому облегчению он прошел мимо, лишь немного побросав их корабль по волнам и не причинив особого вреда. Ему стало лучше к тому времени и он уже старался помочь матросам в корабельных делах. Что было очень зря, потому что еще и на пятый день он был не в силах встать с кровати.

Затем у них начались проблемы с едой. Снова приходилось недоедать. Слабость не уходила из его организма. Только теперь от голода. После болезней любой доктор посоветует ему отлежаться денек и поесть наваристой пищи, а он питался постной похлебкой из овощей. Куда ему пойти на поправку?

Но до берега они добрались благополучно и без его помощи. Моряки свое дело знали. Он взгромоздился на пантеру, посетовав, что не приобрел себе седло с подвязками. Он боялся упасть во время полета, но, пантера словно чувствовала его слабость, потому старалась меньше махать крыльями и больше парить, плавно двигаясь на холодных воздушных потоках.

К его огромному облегчению он увидел на стенах флаги Днапотиза, а армии Бнотзэха не было видно до самого горизонта. Хотя они давно должны были прийти, если собирались.

Тугкан снова долетел до самой городской площади. Поспешив войти в здание городского совета. Там он намеревался найти Беордвалья. Стражи сообщили ему, что Беордваль сейчас находился в библиотеке здания. Бьерн изучал военные книги рептилидов. Как говорится, знай своего врага.

Там Тугкан и нашел его, обложенного кипой уже бумажных книг, переписанных вручную.

– Ваша Светлость, Тугкан прибыл с сообщением от Его Величества Хеределея.

– Тебя уже ждали, – угрюмо ответил Беордваль. – Давай сообщение. Какие новости?

– Все плохо, – честно ответил Тугкан, совершенно забыв, что общался не с Хеределем, а с Беордвалем. А его нрав был гораздо более крутым. Но он все же сунул свиток главному полководцу Днапотиза. – А как тут?

– Спокойно, – ответил Беордваль, принимая и разворачивая свиток. – Ящерицы не пошли за нами. И на Ишлу они не пошли. Они так и осели под городом, а может и вовсе разбрелись по своим городам. В любом случае. Выходить сейчас нельзя, у них повсюду разведчики. Даже в городе было поймано несколько шпионов, что прятались пол лицом простых гра... Что?!

Беордваль дочитал до того момента, где говорилось о том, что подмога прибудет не раньше, чем следующей осенью.

– Он что, издевается?! И ты посмел сунуть мне этот бред в руки?! На твоём месте я бы передал его через кого-то! Тебе известно, что делают с гонцами, что приносят плохие вести?!

– Известно, – даже сквозь бурую пятнистую шерсть было видно, как шкура Тугкана побледнела. Он непроизвольно поджал хвост и схватился за собственную шею.

– Повезло тебе, что у меня сегодня хорошее настроение! Поди прочь, чтоб я тебя не видел! Можешь даже вернуться в Одтанг! Пользы от тебя никакой! Ты ещё здесь?!!

Часть 2: Червоточины

Глава 4

Что они ни делали, червоточины не открывали свои окна дальше, чем раньше. Ну, может быть немного, потому что дерево, что образовалось из огарка посоха Очищения, росло не по годам и уже набирало силы. Но этого было слишком мало. Некоторые близкие планеты уже были зарисованы в картах, что хранились в свитках. Но ничего нового они не узнали. А сам Пронт уже успел заболеть жаждой знаний, которая и толкала альков на изучение новых миров.

Разумеется, идея открывать порталы уже довела однажды альков до перевоплощения в демонов. Но Пронт уже не мог их винить. Он сам был насквозь пронизан любопытством. Что же по ту сторону? И есть ли жизнь на других планетах, помимо Шаруба.

Однажды, прозвучала идея попробовать набрать частиц с Мирового Древа. Да, оно еще слабо, но оно было в любом случае гораздо сильнее имеющегося деревца. Это могло позволить алькам пробиться гораздо дальше и узнать гораздо больше.

Требовалось срочно снарядить экспедицию к Древу. Естественно, ни Аходонан, ни Стеорд не пожелали лично возгла-

вить путешествие к Древу. Видите ли, у них слишком много дел здесь. Аходонан должен следить за обучением магов и ученых в академии. А Стеорд никак не мог отойти от обязанностей старейшины и советника императрицы.

И кто же пойдет? Конечно же, Пронт. У него большой опыт путешествия по Альконару, он знает дорогу к Древу. И их совершенно не смущало, что дорога на лошади заняла бы несколько десятин. Но они еще и телегу снарядили, чтобы он правил целым обозом. Все ради того, чтобы он привез как можно больше необходимого материала. Разумеется, полная телега материала Мирового Древа, имеющая в своих тканях невероятную силу, предоставит им материала на несколько лет. Если только листва не высохнет и не утратит свои свойства. А потом? Или они надеются, что потом Пронт снова помчится к альку на рога? Вот уж нет!

Ворчи не ворчи, а в порт он уже скакал. Там его ожидал свой собственный корабль и телега с запряженным в нее Щиторатопсом. На такую махину можно и несколько тонн загрузить. Только бы телега выдержала. А уж диноящер утащит ее, не заметив. Ну, про «свой» корабль он сильно загнул. Это был корабль альков. И управляли им альки. Но радовало то, что ему не придется платить за перевозку. И идут они не на войну.

Да и не было у него времени ворчать. Едва он отошел от города на пару верст, на него вывалился из леса огромный

тираноящер. Пронт замер. Это смутило зверя, что в это время мотнул головой. Еще Лития говорила, что тираноящеры не видят неподвижные объекты, потому Пронт решил замереть и продумать стратегию.

Зверь остановился в пятнадцати шагах от Пронта, грозно рыча и озираясь по сторонам. Нужно было что-то срочно делать. Пронт чувствовал, как лошадь под ним дрожит. Еще шаг ящера и она сорвется в галоп. Догонит ли ящер его или нет, он не знал. Рисковать не хотелось.

Как можно крепче он сжал бока коня коленями, стараясь не дать тому двинуться с места. Как можно медленнее Пронт потянул из-за седла лук с колчаном, неотрывно глядя прямо на диноящера.

Первая стрела сорвалась в голову ящера, угодив тому в пасть. Зверь заметил движение Пронта, резко потянувшегося за следующей стрелой. Ящер взревел и рванул на всадника, конь под стражем с диким ржанием рванулся с места. Стрелять на ходу было очень тяжело, но не ему. Тому, кто десятки лет занимается конной охотой. Конечно, он занимался не только конной, но и пешей, и даже волчьей. Но это ли сейчас важно?

Он пускал стрелу за стрелой в бегущего почти в упор ящера. Те отскакивали от твердой морды тираноящера, пока одна не угодила ему в глаз. Ящер дернул головой в сторону лопнувшего глаза, потеряв равновесия.

Не дожидаясь, пока ящер рухнет на бок, Пронт соскочил

с седла, схватив копьё и щит. Все было как сто восемьдесят два года назад. Уложить на землю и добить, пока зверь не начал ориентироваться в пространстве и мотать головой, стараясь перекусить жертву мощными челюстями.

Оббежав ящерицу со спины, он подбежал к шее и ткнул копьём в слабую плоть. Брызнула белесо-зеленая кровь, ящер взревел и опал на землю.

Делать с ним что-то Пронт не видел смысла. Со стен явно видели эту битву. И когда Пронт уйдет, они отправят кого-нибудь на разделку зверя. А ему не жалко. Тем более, что провианта у него пока достаточно. Да и трофеи его не особо интересовали. У него уже висел один клык на шее.

Потому он подозвал коня, которого пришлось долго успокаивать, и двинулся дальше. Он почти не отдыхал, потому что гонец альков давно улетел наперед. А летают альки, как обнаружил Пронт, очень быстро. К его приезду снарядят группу сопровождения обоза из альковых воинов, и корабль с командой, который доставит их на Кониун.

Альки сунули ему тот же провиант, что и гонцу, улетевшему наперед. Только тот прибудет в порт за два с лишним дня, а Пронту потребуется почти пятиня. Эта ошибка стала виной тому, что вечером второго дня он ощутил неприятные запахи из сумки с продовольствием.

Пришлось перебирать продукты. Часть удалось спасти и Пронт поспешил съесть именно ее за вечер, выбросив то, что не доел вместе с пропавшими продуктами. Зверье подь-

ест, когда он уйдет. Были еще хлеб и вяленая рыба, которая продержится, возможно, до конца путешествия, но этого было мало. Этого не хватит еще на три дня пути. И как быть, непонятно.

Вопрос решил сам собой. У него еще не успел кончиться хлеб, когда из-за пригорка он услышал рычание. Заранее спешившись, он взял в руки лук, подготовив копье и щит в ногах.

Рапторы, маленькие, но, судя по виду, злые и голодные, небольшой стайкой выбежали из-за пригорка, семена небольшими лапками. В отличие от рапторов, которые были раньше, эти малыши были покрыты перьями полностью, больше походя на птиц, нежели на ящериц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.